

БОРИС АКУНИН

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

БОРИС АКУНИН

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

12+

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Проект Бориса Акунина «Жанры»

Обложка — Андрей Фerez

Оформление макета — Ольга Русанова

Акунин, Б.

A44 Сказки народов мира: / Борис Акунин. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 224 с.: ил.

ISBN 978-5-17-133987-6

Эта книга для тех, кому нравится читать про больших грозных драконов и про маленьких храбрых рыцарей, для тех, кто верит, что любовь сама себе хозяйка и что феи дарят подарки.

«Сказки народов мира», придуманные Борисом Акуниным, предназначены для всех девочек и мальчиков — даже тех, кто давно уже вырос и имеет собственных детей.

© В. Акунин, 2021

© Авторы иллюстраций, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

*Литературно-художественное издание
адеби-көркем басылым*

Проект Бориса Акунина «Жанры»

Борис Акунин

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»

Зав. редакцией **М.С. Сергеева**

Ответственный за выпуск **Т.Н. Захарова**

Компьютерная верстка **С. Клещёв**

Подписано в печать 23.11.2020 г.
Печать офсетная. Бумага мелованная.
Гарнитура Арно. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 13,02. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 45208.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008): 58.11.1 —
книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2021 г.

ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация,
г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1,
ком. 705, пом. I, этаж 7

Наш электронный адрес: www.ast.ru
www.vk.com/janry_ast
www.facebook.com/janry.AST/

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21,
1-й корпус, 705 бөл.с, пом. I, 7-қабат
Білім электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан и Представитель
по приему претензий в Республике Казахстан
ТОО РЦЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және
Қазақстан Республикасына наразылықтарды
қабылдау
бойынша оқп.т. «РЦЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.
Домбровский кон. 3-а, Б.интер.офис 1. Тел.:
8(727) 2 51 59 90,91.
факс: 8(727) 251 59 92 инж 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz
Тауар белгісі: «АСТ»
Оңдiрiлген жылы: 2021
Оңимiн жарамдылық мерiмi шектелмеген.
Опечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством
электронных носителей в АО «Саратовский
полиграфкомбинат». 410004, Россия, г. Саратов,
ул. Чернышевского, 59. www.sarprk.ru

Ледяной Дракон

— ■ —
*Японская
сказка*

старинные времена, когда на свете еще водились драконы, жил на острове Сикоку один владетельный даймё, которого прозвали Печальный Князь. Раньше он был такой же как все, иногда печалился, иногда веселился, но случилось большое несчастье. Княгиня, которую он любил великой любовью, умерла родами, и с того дня вдовец сделался другим человеком. Он носил только белые траурные одежды, беспрестанно лил слезы и сочинял стихи, от которых все вокруг тоже начинали плакать.

Например, такое стихотворение:

Ах, на сакуру
Без лепестков похоже
Засохшее сердце.

От нескончаемой печали бедный князь и впрямь иссох сердцем. Он несомненно умер бы, когда ис-

сыкли бы последние слезы, но они всё не кончались. От жены осталась маленькая дочка, и, глядя на нее, отец ненадолго забывал о своем горе, даже улыбался, а от улыбки сердце смягчается и увлажняется — оно обогащается элементом «вода», вода же и есть жизнь. Пока вся не вытекла, сердце не иссохнет.

Однако если уж злая карма-судьба на кого-то ополчилась, она не успокоится, пока не dokonает свою жертву.

Однажды тихим солнечным полднем Печальный Князь находился со своей дочуркой в саду и — большая редкость — смеялся, потому что малышка склонилась над прудом и пыталась ухватить за хвост красного карпа, а тот никак не давался.

Вдруг дунуло ветром — таким холодным, что трава покрылась инеем. Закрутились снежинки, завывала вьюга — а дело-то было летом! Вода в пруду мгновенно замерзла, застыли и все люди: князь с окоченевшей улыбкой на лице, его дочка, тянущаяся к карпу, служанки с лаковыми подносами и стражники с алебардами.

Они всё видели, всё слышали, только не могли пошевелиться.

Вокруг потемнело, раздался шелест, дохнуло морозом. Это заслонил собою солнце и устремился на добычу Хё-Рю, Ледяной Дракон.

Слышали вы о Ледяном Драконе? Нет? Теперь придется, никуда не денешься.

Знайте же, что ненавистнее и ужаснее дракона не было на всем белом и на всем черном свете.

А ведь драконов тогда было много, один страшней другого. Они нападали на людей и на целые города, жгли своей огненной слюной замки, пожирали вкусных, красивых девушек, на море топили корабли — вообще ужасно безобразничали. Герои из числа самураев и монахов-воинов вступали с драконами в единоборство. Чаще всего гибли, но бывало, что и побеждали. Однако никто и никогда не бился с Ледяным Драконом, потому что от его морозного дыхания любой богатырь превращался в недвижимый холодный камень.

Хуже всего в этом чудовище была его подлая жестокость. Драконы ведь тоже бывают разные. Попадают среди них великодушные, кто способен на жалость, и благородные, кто не обижает слабых, и даже мудрые. А этот выбирал для расправы лишь тех, кто и так слаб, ранен, обездолен, уязвим. Ледяной Дракон любил отбирать у человека последнее: спалить лачугу бедняка, разлучить влюбленных, которые живут только друг другом, отобрать у матери единственное дитя. Разве могла такая гадина пропустить Печального Князя?

Самого дракона никто не увидел. Просто тьма стала кромешной, засвистел воздух и раздался детский крик. А когда вновь посветлело, девочки у пруда не было. Она исчезла.

Ледяной Дракон никогда не убивает того, кого человек любит, прямо у него на глазах. Дракон знает, что мука неизвестности хуже, чем мука утраты. Потому что рана утраты со временем заживает и превращается в шрам, а рана неизвестности кровоточит не переставая.

Все знали, что добычу Хё-Рю уволакивает в свое логово и что находится оно где-то на далеком севере, откуда приходят зимы. Никто еще оттуда не возвращался, но добрые духи, обитающие в мире мертвых, говорили, что не видели похищенных и там. «Может, они еще живы?» — думает оставшийся, и пустая надежда разъедает ему душу.

Потеряв дочь, князь из печального стал каменным. Лишь это его от смерти и спасло. Один святой отшельник посоветовал ему обрить голову, принять монашество и с утра до вечера читать Священную Сутру Лотоса.

Так князь и поступил. Он больше не выходил из своих покоев, лишь сидел, смежив веки, и повторял: «Верю в Священный Лотос, верю в Священный Лотос», а сам ни во что не верил, просто был каменный.

Каро — главный самурай, управлявший княжеством, — очень беспокоился за своего господина. Однажды он собрал во дворце всех вассалов и сказал им: «Дело нашей чести — вернуть господину дочь. Кто не побоится отправиться на север, в логово Ледяного Дракона, чтобы спасти княжну?».

Самураи закричали «я, я!», но лица их побледнели, ведь победить Хё-Рю невозможно. Не побледнел только один, и каро, зорко наблюдавший за воинами, это увидел. «Пойдет Итиро Румата!» — объявил он. Все остальные зашумели, зароптали, но про себя вздохнули с облегчением.

Главный самурай рассудил верно. Во всем княжестве не было молодца удалее, чем Итиро Румата. Все звали его «Большой Румата», потому что он вымахал ростом в восемь сяку и другие воины едва доставали макушкой до его локтя. Если вышиной Итиро превосходил обычного человека в полтора раза, то силой — вдвое, а храбростью — втрое. Одним словом, это был во всех отношениях превосходный воин.

Он поклонился главному самураю, быстро собрался в дорогу и отправился на север. Путь пред-

стоял трудный и долгий. Надо было пересечь море, потом пройти пешком большой-пребольшой остров Хондо, пересечь другое море, за которым лежала обширная земля Эдзо, а за нею начинался уже холодный океан, где обитал на Белой Горе грозный дракон.

Большой Румата шел всю осень, всю зиму, всю весну и все лето. Лишь год спустя оказался он в диких северных водах, куда не заплывали даже самые смелые рыбаки. Но один из них, унесенный в океан тайфуном, видел вдали Белую Гору и сказал, каким курсом до нее плыть.

И вот Итиро заметил торчащий из воды белый шлем с черно-красным плюмажем. Подплыл ближе, и оказалось, что это снежная гора, над которой курится дым и взмывают языки пламени. У Руматы горячо заколотилось сердце, но живот-хара, где обитает храбрость, остался тверд.

Самурай высадился на берег, поднялся до самой вершины вулкана, заглянул вниз, и даже такому герою стало не по себе.

Из огромной воронки вырывался яростный огонь, да не жаркий, как положено от природы, а морозный, но все равно обжигающий. Спуститься вниз можно было только скатившись по крутому ледяному склону прямо в эту пыхающую смертью преисподню. «Я погибну, и погибну зря», — ска-

зал себе Большой Румата, повернулся, сбежал с горы вниз и пустился в обратный путь.

Целый год добирался он до дому, а вернувшись, рассказал всем, что ему не хватило храбрости спуститься в морозное пламя. Попросил у главного самурая прощения за то, что подвел господина, вынул меч и сделал харакири — взрезал себе хару.

Из хары брызнула горячая кровь, а потом оттуда выскочил еще один Румата, точь-в-точь такой же и даже с двумя самурайскими мечами, но маленький, и мечи тоже маленькие. Все удивились, но не слишком, ибо древняя пословица гласит: «У труса в животе живет еще худший трус, а у храбреца еще больший храбрец». Большой Румата был великий храбрец, хоть и испугался Белой Горы, а живший у него внутри Маленький Румата был и того храбрей.

«Я знаю, где логово Ледяного Дракона! — сразу закричал он тонким детским голосом. — Я от-

правлюсь туда! Или спасу княжну, или жизнь положу, не будь я Дзиро Румата!».

«Дзиро» значит «второй». Так нового Румату и называли: Румата Второй.

Ростом он был всего в четыре сяку — как десятилетний мальчишка, но до того напорист и горяч, что казался крупнее. Каро посомневался было, но вспомнил поговорку: «кто мал, тот удал» и благословил Дзиро на подвиг. Все равно других добровольцев идти на край света за верной смертью не появилось.

Ноги у Маленького Руматы были вдвое короче, чем у Большого, поэтому до Белой Горы он добирался не один год, а два.

На вулкан тоже карабкался долго. Зато, оказавшись наверху, морозного огня и дыма не устрасился, а сел на лед, да и скатился вниз, легкий, как перышко.

Он пронесся через черный дым — не задохнулся, промчался через красное пламя — не сгорел и оказался на самом дне глубокой воронки. Там посередине зияла черная дыра, которая то смыкалась, то размыкалась, и веяло из нее несказанным ужасом. Она так и называлась — Дыра Ужаса.

Одно мгновение эта жуткая пасть земли была такой ширины, что десять колесниц проедут; в другое — сжималась до пяти сунов. И ладно бы дыха-

ние было мерным, так нет же: края ходили туда-сюда безо всякого порядка — не угадаешь, когда сойдутся, а когда разойдутся.

То были врата в подземный дворец Ледяного Дракона. Он один знал, как дышит пасть, и потому влетал и вылетал безо всякой помехи.

Бесстрашный Дзиро не испытал ужаса, ибо не ведал этого чувства, лишь уловил противный запах, исходящий из дыры. Одной рукой он зажал свой маленький нос, другой выхватил маленький меч и с криком «бандзай!» кинулся в раскрывшийся черный зев. Но тот мгновенно сжался в крохотное отверстие, и Румата Второй лишь ушибся о ледяную твердь. Хоть он был невелик, но в такую дырку пролезть не мог.

Храбрец поднялся, стал ждать, когда врата снова откроются. Дождался, ринулся вперед еще быстрее — и опять не успел.

Он пробовал много раз. Покрылся синяками и ссадинами, набил шишки, обморозил руки, сломал меч, которым пытался расковырять дыру пошире, и наконец понял, что внутрь не попадет.

Тогда Маленький Румата горько заплакал. Храбрецы ведь тоже плачут, когда видят, что не все заковыки можно решить одной храбростью.

И пустился Дзиро в обратный путь. Два года плыл, шел, опять плыл и опять шел. Вернулся в род-

ной край, всё рассказал и тоже сделал харакири. Его увещевали, отговаривали, но у маленького человека было большое чувство чести. «Я обещал: или спасу княжну, или жизнь положу, — объявил второй Румата. — Вот она, моя жизнь. Она такая мне больше не нужна».

Он разрезал свою храбрую хару — и что же? Оттуда выскочил третий Румата. Он был еще меньше ростом, с двухлетнего ребенка. Да такой отчаянный, что, когда самураи воскликнули: «Глядите какая куколка!», полез драться сразу со всеми. Родился он без мечей, потому что при таком его росте они были бы с ножик для чистки ногтей, зато у него имелось острое копьё, которое кстати говоря и называется «румата». Малютка владел им столь искусно, будто копьё было продолжением его крошечных рук. И дрался этот новый Румата преловко: то слева налетит и стукнет, то справа — и кольнет, а то еще пробежит у противника между ног и ударит копьём снизу вверх. Больно! Самураи кинулись от забияки подальше и больше никогда его «куколкой» не называли, только за глаза, хоть он и в самом деле был очень похож на куклу-кокэси: такой же маленький и хорошенький.

Официальное имя ему дали Сабуро Румата, Румата Третий, зачислили на княжескую службу, назначили жалованье — конечно, очень маленькое, ибо зачем такому крошке много риса?

Каро думал использовать миниатюрного воина для разведки. Такой ведь всюду проникнет, все вражеские секреты выведает, и никто его не заметит.

Но Сабуро мечтал о другом. Каждое утро он являлся к дворцу и подавал петиции, написанные мелким, но очень красивым почерком. Просил Румата-Куколка только об одном: чтобы ему позволили спасти княжну. И как его ни убеждали, что даже героям побольше него это не удалось, Сабуро не отступался.

Он так надоел главному самураю, что тот в конце концов топнул ногой.

«Чертов упрямец! Иди, коли охота, сверни себе шею!».

«Благодарю вас, господин, — поклонился Куколка. — Вы не пожалеете».

И пошел.

Пересек своими крошечными ножками всю Японию, потратив на это четыре года. Питался грибами и ягодами, причем для сытости ему было довольно съесть половинку гриба сиитакэ или одну земляничку. Моря Куколка пересекал на лодке, вырезанной из бамбукового стебля, парус делал из платка-фурóсики.

И вот достиг он Белой Горы. Лез на нее чуть не целый месяц, зато в жерло скатился быстро, за одну минуту. Дыма и огня он не испугался, Дыры Ужаса тоже. Даже когда она съезживалась, отверстие было достаточно велико, чтобы Сабуро мог протиснуться туда своим маленьким телом. Но кроме беззаветной храбрости крошка обладал еще и острым умом.

Он не стал торопиться. Сел в сторонке, достал сушеный гриб и принялся закусывать, а чтоб не зачоченеть, время от времени вскакивал и делал боевые упражнения, размахивал своим маленьким копьем.

Куколка ждал, чтобы Ледяной Дракон улетел на охоту.

Когда ты добирался до цели четыре года, подождать несколько часов, да хоть бы и несколько дней — пустяк.

И наконец, когда врата в очередной раз распахнулись, оттуда вылетела огромная туша, сверкая ледяной чешуей, понеслась вверх и растаяла в небе. Крошечного самурая чудище и не заметило.

Тогда Сабуро преспокойно спустился в дыру и оказался в подземном дворце.

Там всё было изо льда и снега: и коридоры, и залы, и даже сады, где на деревьях росли замороженные фрукты. Красиво, что сказать, но очень

уж скучно. Куда ни глянь, вокруг только белое да голубое.

Румата шел по нескончаемым галереям, пока не увидел надпись «Охотничьи Трофеи». Раздвинул перегородку, сотканную из инея, и вошел в просторный чертог, вдоль стен которого стояли ледяные статуи. Так самураю, во всяком случае, показалось. Пригляделся он — а это замороженные люди, каждый покрыт коркой льда! Мужчины, женщины, но больше всего детей, потому что дракон Хё-Рю, как уже говорилось, до них особенно охоч.

Их тут были тысячи, а княжну наш Сабуро никогда не видел. Как ее опознаешь?

На его счастье, Ледяной Дракон был обстоятелен. Над каждым трофеем висела табличка, и там прописано: кто такой и когда похищен. Самые опасные чудовища — те, которые аккуратны. Когда дракон неряшлив и забывчив, от него еще можно спастись. Если же он дотошен и ведет строгий учет, это совсем беда.

Но Куколка был рад, что у Хё-Рю в его страшном хозяйстве такой порядок. Стал Румата читать таблички, и на одной значилось: «Дочь Печального Князя. Взята по подсказке Злой Кармы третьего дня седьмого месяца 22 года Свирепого Жестокосердия». У драконов ведь свое летоисчисление, не такое, как у людей.

Вздохнул Румата, поклонился бедной княжне. Спасти ее не получилось, но можно доставить тело отцу. Пусть устроит похороны, погорюет. Может, поплачет и снова станет печальным — это все же лучше, чем быть каменным.

Покойница ростом была как раз с Куколку. Он почтительно взял ледяную фигурку, понес прочь.

И не передать, как трудно было подниматься с поклажей из скользкого жерла вулкана. Но упорный Сабуро вскарабкался наверх, спустился к морю, положил княжну на дно своей бамбуковой лодки, поплыл.

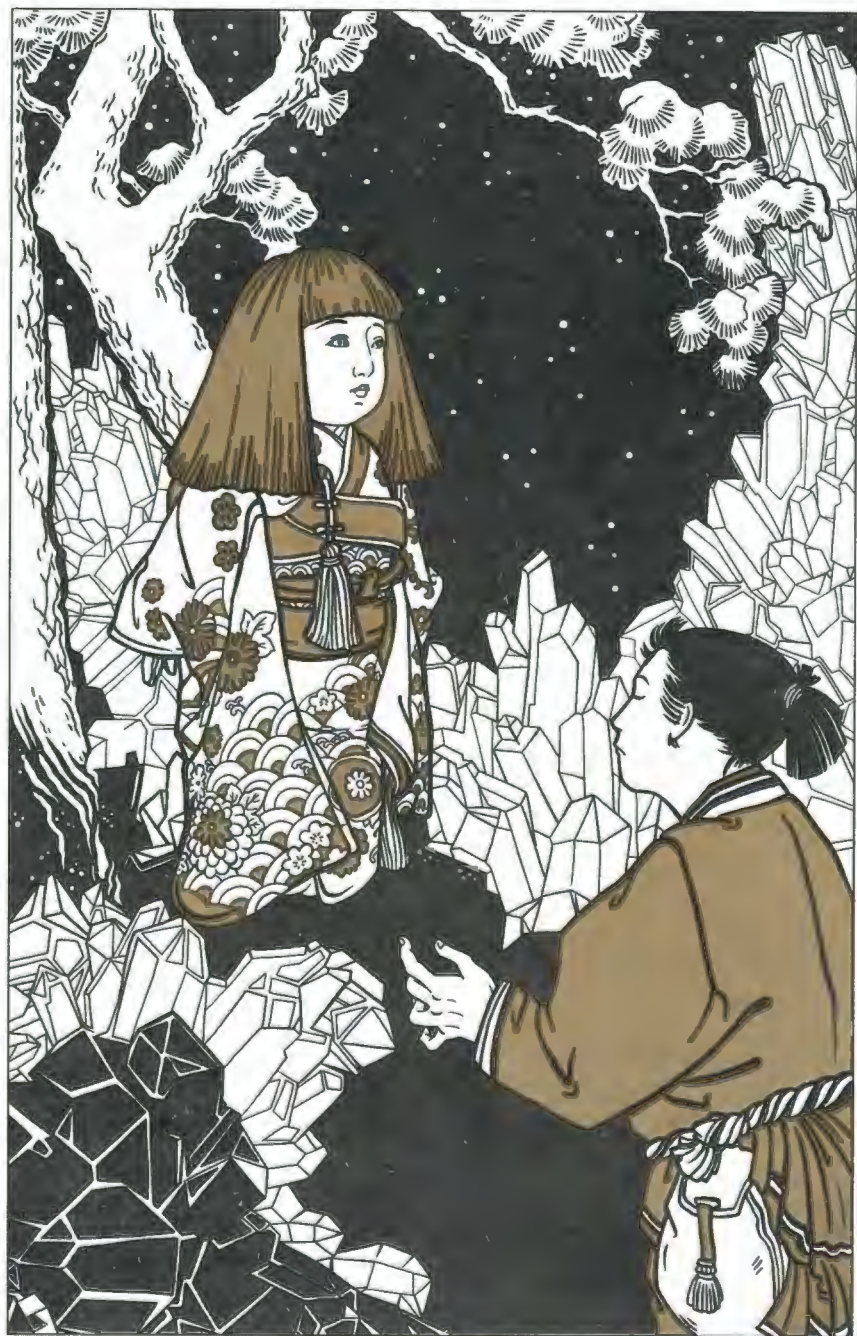
Пригрело солнце, лед растаял, и княжна вдруг открыла глаза, посмотрела вокруг и говорит: «Где я? И почему мое кимоно мокрое?».

Румата глазам своим не поверил. Она была живая! За минувшие годы из ребенка превратилась в юную девушку, но осталась такой же маленькой — во льду ведь не вырастешь.

Лодка плыла по морю, вокруг никого, только маленький самурай и маленькая княжна, но сами они друг другу маленькими не казались.

И всё вышло так, как только и могло выйти. Сабуро Румата влюбился в княжну, а она влюбилась в него — и всякий на их месте сделал бы то же самое.

Им вдвоем было так хорошо, что домой они шли, не замечая, как летняя жара сменяется зимней стужей. Спыхватывались только весной, когда расцветает сакура, да поздней осенью, когда мир делается прекрасен из-за разноцветной листвы.

Но даже долгая дорога однажды заканчивается. Румата Третий доставил княжну к отцу целой и невредимой. Князь заплакал, но слезами не печальными, а радостными, и плакал целую неделю, не останавливаясь, зато потом до конца своих дней уже только улыбался и смеялся, его даже стали называть Веселый Князь.

Княжну выдали замуж за ее спасителя, потому что она очень этого хотела, а отец не мог ей ни в чем отказать. Да и за кого выдашь девушку ростом в два сяку?

Молодые счастливо жили до тех пор, пока из молодых не стали старыми. Дом у них был маленький,

и всё в нем тоже было маленьким, но самурая Сабуро все называли «Самый Большой Румата», ибо мерили не по размеру тела, а по размеру души — это ведь и есть подлинный рост человека.

Когда же земные дни Куколки окончились, в честь трех Румат, один меньше другого, мастера изготовили поминальную куклу «ирэко-кокэси», которая за пределами Японии известна под названием «матрешка».

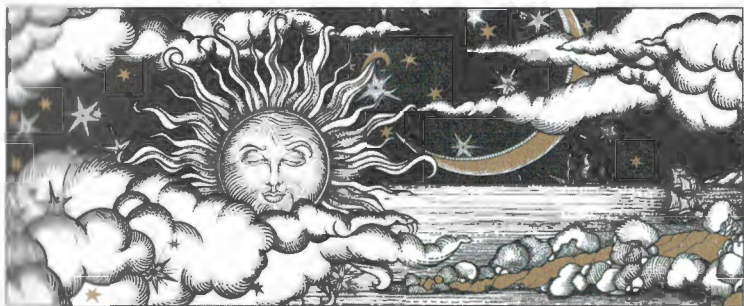
*Но если вы думаете, что маленькие рыцари
бывают только в Японии, это потому
что вы еще не знаете историю
господина фон Грюнвальда.*

**Рыцарь
фон Грюнвальд**

— ■ —
*Немецкая
сказка*

ила-была на свете одна принцесса. Звали ее Ангелика-Мария-Ульрика-Брунгильда-Беренгария, потому что принцессам дают ужасно громоздкие имена. Поскольку она была еще девочкой, при-

дворные дамы пока называли ее просто «ваше королевское высочество госпожа Ангелика». Будем так ее именовать и мы.

Ее королевское высочество госпожа Ангелика росла не похожей на других принцесс, да и вообще на обычных девочек. Не капризничала, не крутилась перед зеркалом, не любила шумных забав и всегда играла сама по себе. Любимой игрушкой у нее была не кукла, а большущая подзорная труба. В нее Ангелика по вечерам разглядывала луну, а днем дома и улицы города, расположенного вокруг королевского замка, или же смотрела, что происходит в саду. Жила принцесса в высокой башне, откуда всё было отлично видно, а труба у

нее была очень мощная, какими пользуются звездочеты.

И вот однажды летним утром Ангелика сама не зная зачем, просто со скуки, навела свой окуляр на газон перед дворцом и увидела в стеклянном кружке такое, что ахнула.

В густом лесу зеленоствольных деревьев стоял тонколицый мальчик и очень внимательно смотрел прямо на Ангелику. Принцесса отодвинула трубу — мальчик пропал. Приложила — опять появился. Она осторожно помахала рукой — мальчик улыбнулся и махнул в ответ. Но видно его было только через увеличительное стекло. Что за напасть?

Ангелика сбежала вниз, на лужайку. Стала звать: «Невидимый мальчик, где ты? Отзовись!». Ничего — только звонко запищал комар.

Принцесса опустила на коленки, наклонилась к самой траве, повертела головой туда, сюда. Снова крикнула: «Где же ты?».

И вдруг услышала тихое-тихое: «Я здесь, под цветком маргаритки».

Ах, то был не писк комара, а еле слышный голосок!

Отодвинув маргаритку, Ангелика увидела крохотного мальчика ростом с половину ее мизинца. Протянула ладонь, и малютка бесстрашно на нее вскарабкался. Теперь можно было поднести его к лицу и разглядеть как следует.

Он был хорошенький, как марципанчик, какими украшают рождественский торт. И вежливый — приподнял шапочку, поклонился.

Разговор у них сложился не сразу. Мальчику пришлось кричать во все горло, да еще прикладывать ко рту руки — иначе Ангелика не могла разобрать слов. Ей же надо было шептать, чтоб крошка не оглох.

Но ничего, понемногу оба приноровились, и заязалась беседа.

Выяснилось, что мальчик из вальдменхенов, лесного народа, родственного гномам. Просто про маленьких подземных обитателей знают все, а про их лесных кузенов — почти никто. Они живут в глухих чащах и держатся от «великанов» (так они называют людей) подальше, потому что однажды, в стародавние времена какой-то грибник раздавил своей ножищей великого вальдменхенского короля и даже этого не заметил.

Имя у мальчика было такое, что толстым человеческим языком не выговоришь, и принцесса нарекла своего нового приятеля Хальберфингером, Мальчиком-Полупальчиком.

Как ни удивительно, у них с принцессой нашлось много общего. Хальберфингер тоже рос не таким, как другие дети-вальдменхены. Его сызмальства манил большой мир, где над головой не темные листвяные кроны, а синее небо, и где обитают огромные великаны. Рискую быть раздавлен-

ным, он бродил по городским улицам, прокрадывался в дома, и всё ему казалось диковинным — до тех пор, пока однажды, в королевском парке, он не увидел высоко-высоко, в окне башни, золотоволосую девочку, которая разглядывала облака через подозрную трубу. Снизу девочка казалась «обычного роста» — так выразился Хальберфингер. Он стал часто приходить сюда, ему нравилось смотреть на принцессу (он, конечно, сразу догадался, что это принцесса). Правда, теперь, когда она спустилась вниз, он увидел, что она тоже великанша, но что уж тут поделаешь, у всех свои недостатки.

— А как ты добираться сюда из своего далекого леса? — шепотом спросила Ангелика. — У тебя ведь такие крошечные ножки.

— Очень просто. Сажусь на своего верного майкефера и прилетаю.

— На кого?

— Да вон он, пасется, — показал мальчик на майского жука, ползавшего неподалеку.

И стал рассказывать про жизнь вальдменхенов, устроенную очень разумно и уютно.

Их просторные, теплые дома выдолблены из лесных пней. Землю они пахут на сороконожках, сеют землянику с брусникой, выращивают неслыханно изысканные трюфели. Вместо собак держат муравьев, и те не только привязчивы к хозяину, но и способны защитить его от хищных земляных ос, а

также могут выполнять всякие работы. В гости и по делам лесные человечки летают на жуках, а кто побогаче — на красивых бабочках.

Хальберфингер рассказал много чудесного, принцесса прямо заслушалась. Она тоже была бы не прочь попрыгать с тамошними детишками на упругой паутине или поучаствовать в скачках на кузнечиках.

Оба и не заметили, как наступил вечер. Ангелике нужно было спешить на скучный дворцовый ужин, ее гостю — возвращаться в лес, пока у майского жука от вечерней росы не отяжелели крылья. Но Хальберфингер обещал завтра снова быть в саду, и с раннего утра, едва дождавшись, когда ее нарядят и причешут, принцесса уже ждала в беседке.

Они стали видаться каждый день. Ангелика тоже рассказывала своему другу про мир людей — про гордые города и смиренные монастыри, про глубокие моря и высокие горы, но больше всего Мальчик-Полупальчик любил слушать истории про рыцарей, что дают обет служить даме сердца и совершают ради нее разные подвиги. «Жениться на даме сердца нельзя, потому эта форма любви самая возвышенная из всех», — говорила принцесса, ибо так было написано в романах, и она этому верила.

— А что нужно, чтобы стать рыцарем? — спросил однажды Хальберфингер, наблюдая, как Ангелика вышивает платок, на котором можно было бы разместить добрую сотню вальдменхенов.

— Нужно обладать храбрым сердцем и нужно, чтобы особа королевской крови коснулась твоего плеча шпагой.

— У меня храброе сердце, а ты особа королевской крови. Сделай меня рыцарем!

Ангелика сначала засмеялась, решив, что это такая игра, но малютка преклонил колено, приложил руку к груди и пропищал обет вечно служить принцессе Ангелике-Марии-Ульрике-Брунгильде-Беренгариин, оберегать ее от всех невзгод, а понадобится — не пожалеть и самое жизни.

— Чтобы любить великаншу, нужно очень много любви, но я ручаюсь, что во мне ее хватит. А твоей любви понадобится всего капелька, я ведь очень мал.

Тут принцесса смеяться перестала и задумалась, а потом спросила:

— Ты ведь еще мальчик? Ты наверно вырастешь и станешь побольше? Ну хотя бы размером с мою ладонь, чтобы я могла тебя поцеловать? Потому что дама сердца непременно целует своего паладина в лоб, когда провожает его на подвиги.

Но Хальберфингер ее расстроил. Сказал, что он, конечно, подрастет, но по великанским меркам совсем на чуть-чуть. Считать по-вашему, на две или три булавочных головки.

— Это хорошо, но я ведь тоже вырасту, — грустно молвила Ангелика. — Считать по-вашему, на десять или двенадцать вальдменхенов.

— Что ж, — сказал он, — если ты станешь такой огромной, значит, я буду любить тебя еще больше.

И она вынула из своего шитья иголку, и коснулась ею маленького плеча, и объявила Мальчика-Полупальчика рыцарем фон Грюнвальдом, что означает «Рыцарь из Зеленого Леса».

Хальберфингер выковал себе из иголки шпагу и с тех пор всегда носил ее на боку, как и подобает рыцарю.

Прошло несколько лет. Мальчик-Полупальчик очень старался вырасти и стал выше не на две и не на три, а на целых пять булавочных головок. Принцесса, наоборот, расти не хотела, питалась лишь овощами и фруктами, даже молока не пила — и вытянулась всего на пять вальдменхенов. И все равно, садясь даме своего сердца на ее уже взрослую ладонь, Хальберфингер казался еще меньше, чем прежде. Но теперь у принцессы на лбу всегда была прикреплена лупа, какими пользуются часовщики, и, опуская ее к глазу, Ангелика хорошо видела возмужавшее лицо своего рыцаря.

Кроме того, она заказала придворному ювелиру украшение в виде ажурного грецкого ореха, спле-

тенного из тончайших золотых ниток. Орех раскрывался, господин фон Грюнвальд садился внутрь, и принцесса вешала орех себе на шею. Так они могли бывать вместе и на конных прогулках, и на празднествах, и на балах. Ее высочество ввела в придворную моду «аляйнтанц», танец в одиночку: грациозно кружилась сама с собой — так это выглядело со стороны, на самом же деле это она танцевала с миниатюрным кавалером.

Но в один совсем не прекрасный день, прилетев в башню на своем майском жуке, Хальберфингер настал Ангелику безутешно рыдающей.

— Друг мой, я погибла! — прошептала она. — Отец выдает меня замуж!

Рыцарь прикрыл рукой свое крошечное лицо, чтоб в лупу не было видно, как оно побледнело, и бодро сказал:

— Что ж, рано или поздно это должно было случиться. Замужней даме я буду служить так же верно, как служил деве. Надеюсь лишь, что твой жених — самый достойный из всех принцев этого мира и заслуживает твоей руки.

Принцесса расплакалась пуще прежнего.

— Мой жених — самый отвратительный из принцев этого и любого другого мира! — воскликнула она, забыв, что от громкого голоса у Хальберфингера закладывает уши. — Отец выдает меня за падетельного герцога Жыгмонта Благочестивого,

которого все называют «герцог Жаба», потому что он лопается от жира и весь покрыт бородавками!

Насилу Хальберфингер добился, чтобы она сказала всё толком.

Королевство, которым владел отец Ангелики, было совсем маленьким. По сравнению с соседними державами — как вальдменхен рядом с великанами. Денег в казне и всегда-то было немного, а расточительный король обожал пиры и праздники, направо и налево раздавал долговые расписки, и вот пришел момент, когда все кредиторы разом потребовали уплаты. Надо было или закрывать королевство или срочно где-то найти миллион золотом.

— Герцог Жаба предложил за мою руку как раз миллион, и батюшка не смог отказать, — заливалась слезами принцесса. — Я несчастнейшая девушка на свете! Я даже не могу выброситься из окна, потому что мои родители, братья и сестры, все наши придворные и слуги станут нищими. Я пропала!

Но Грюнвальд положил руку на эфес своей иглы-шпаги и чопорно произнес:

— Не оскорбляйте меня, ваше высочество. Я ваш рыцарь, и, пока я жив, ничего дурного с вами не случится.

А потом снова перешел на «ты»:

— Лучше расскажи мне, каков он — герцог Жаба. Почему его прозвали Благочестивым?

— Потому что он боится нечистой силы, сглаза и привидений, а больше всего боится лишиться своего богатства. Каждый день Жаба ходит в церковь и молит Бога, чтобы сундуки в сокровищнице не опустели. И они ломаются от золота. Герцог может купить всё и всех. Ах, друг мой, чем ты сумеешь мне помочь? — Из синих глаз принцессы опять хлынули слезы.

— Я обращаю великана в бегство! — вскричал рыцарь. — Благослови меня на подвиг, облобызай мое чело!

Ангелика наклонилась и хотела осторожно коснуться своими великанскими губами пускай не чела (оно было слишком маленькое), а хотя бы макушки, но с подбородка скатилась слеза и вымочила храброго воина с головы до ног.

— Такое благословение мне еще дороже, — молвил Хальберфингер, вспрыгнул на жука и улетел.

Ночью Жыгмонт Благочестивый спал в дворцовых покоях, предназначенных для высоких гостей. Назавтра должна была состояться помолвка.

Вдруг что-то кольнуло герцога в бородавку на толстой щеке. Это рыцарь фон Грюнвальд нанес человеку-горе удар своим мечом.

Жаба открыл глаз, почесал щеку и собирался спать дальше, но вдруг услышал тоненький голосок, звучавший словно бы прямо в ухе.

— Не спи, не спи, сгинешь!

— Кто здесь?

Герцог приподнялся на подушке, похлопал сонными глазами, но никого не увидел. Хальберфингер висел, ухватившись за кисточку на ночном колпаке.

— Приснится же такая чушь, — проворчал Жаба и лег на другой бок.

Тут в ухе снова раздалось:

— Не спи, не спи, сгинешь!

Озадаченный, герцог зажег свечу, посмотрел там и сям, заглянул под кровать. Никого!

Не иначе происки нечистой силы, подумал он, перекрестился и трижды прочитал «Отче наш».

Тут и в третий раз послышалось:

— Не спи, не спи, сгинешь!

— Кто ты? Где ты? — дрожащим голосом спросил Жыгмонт Благодетельный.

— Я твой ангел-хранитель, которого к тебе представил Господь за твои молитвы. В дурной переплет ты попал, бедняга. Принцесса, на которой ты хочешь жениться — колдунья. Разве тебе не рассказывали, что она с утра до вечера сидит в своей башне и смотрит в трубу на звезды? Она и сейчас не спит, колдует. Стоит твоей душе забыться сном,

и всё, ей конец. Сгинет безвозвратно. Спасай свою душу, пока цел!

Рыцарь едва успел выскочить из волосатого герцогского уха — так быстро выпрыгнул Жаба из кровати. Прямо в ночной рубаше и колпаке он выбежал из опочивальни, кликнул слуг, скатился по лестнице, протопал по двору до конюшни и умчался прочь на неоседланной лошади. Больше его в королевстве не видели.

Целую неделю принцесса радовалась своему избавлению и горячо благодарила чудесного спасителя. А на восьмой день Хальберфингер прилетает — Ангелика опять печальней плакучей ивы.

— Ах, рыцарь, ты прогнал одну тучу, а взамен надвинулось сразу пять. Грозы все равно не миновать. Королевство разорено, и у батюшки нет иного средства кроме как выдать меня замуж за того, кто больше заплатит. Придворный художник сделал пять копий с моего самого красивого портрета, и гонцы развезли их пяти богатейшим государям. Все они холостые, потому что ни одна невеста за них не идет. Один до уродства безобразен, другой чудовищно жесток, третий полоумен, четвертый

болен проказой, пятый схоронил восемь жен и говорят, сам их заморил. Пусть уж лучше меня выдадут за пятого...

И зарыдала.

Тогда рыцарь Грюнвальд сказал:

— Раз уж ты все равно плачешь, то, чтоб зря не пропадать хрустальной влаге, урони одну слезу на меня, благослови в дальний путь!

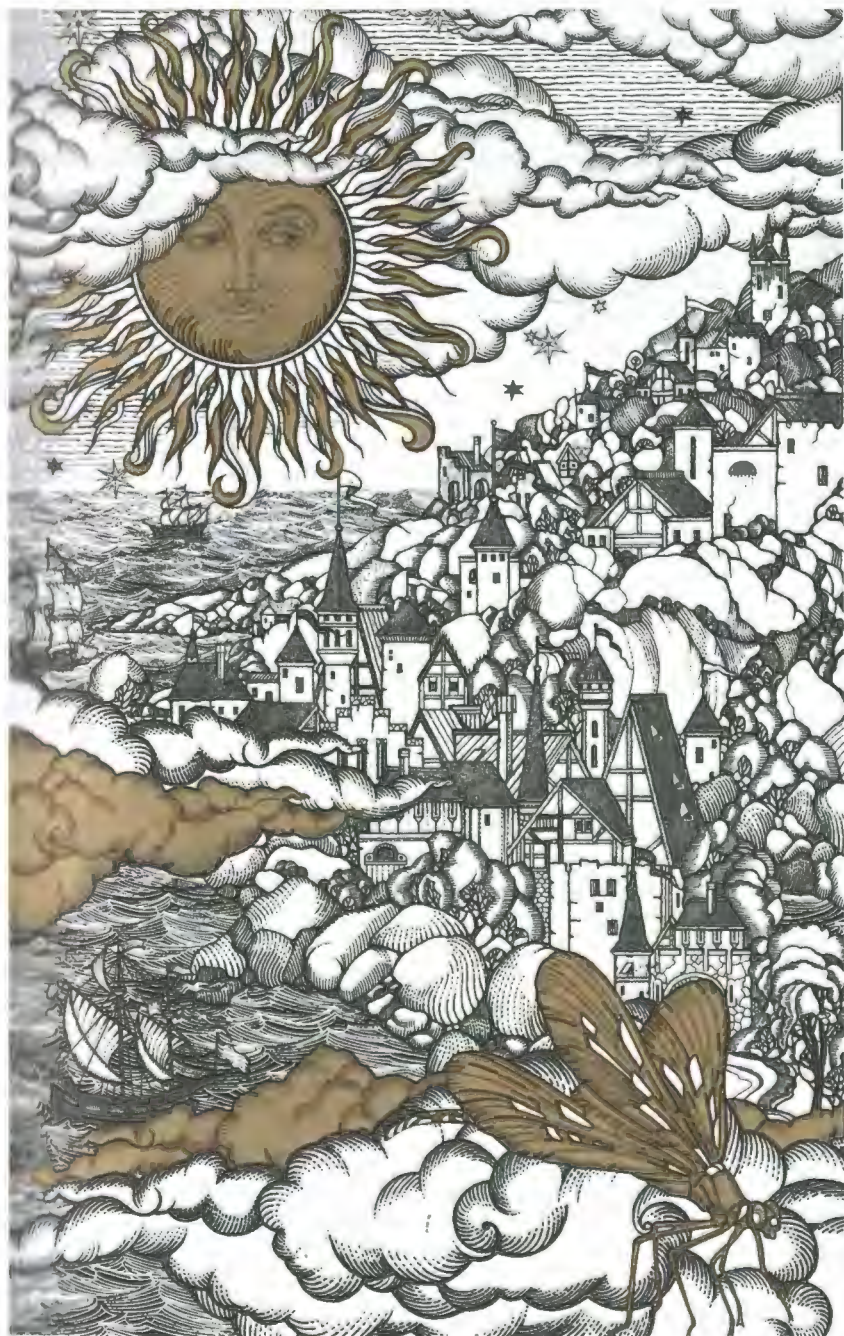
Принцесса уронила две. Хальберфингер, весь мокрый, встряхнулся, словно гончий пес, и оседлал жука.

— Не уходи! Ничто на земле уже не спасет меня! — воскликнула Ангелика. — У меня осталось мало времени, и я хочу провести его с тобой!

— На земле не спасет, а под землей — вполне возможно, — прошептал в ответ Мальчик-Полупальчик, но она, конечно, не расслышала. Разобрать тихий шепот вальдменхена может только такой же вальдменхен.

Путь, в который отправился Хальберфингер, для всадника на майском жуке был действительно не близким — за три реки и два озера, до высоких Альпийских гор. Там, в старой заброшенной штоль-

не, жила бабушка Мальчика-Полупальчика, старая гномиха. Как уже говорилось, подземные и лесные гномы состоят в родстве, они нередко женятся между собой.

Бабушка очень обрадовалась внуку, которого давно не видела. Обнимала его, целовала.

— Какой ты вырос большой!

Стала угощать копчеными мышинными хвостами, вареньем из пыльцы эдельвейса и прочими гномьими деликатесами, но Хальберфингер ничего есть не стал.

— Помнишь ли ты, что скоро мне исполняется восемнадцать лет? — спросил он.

— Как не помнить. Мой единственный внук станет совершеннолетним. Я уже выбрала для тебя дорогой подарок.

— Не надо мне ничего дорогого, — попросил Мальчик-Полупальчик. — Подари мне какой-нибудь рудник с золотом.

— Зачем тебе эта дрянь? — удивилась бабушка. — Золото тяжелое и мало на что годное. Что ты будешь с ним делать?

Гномы досконально знают, где под землей хранятся металлы, которые у людей считаются драгоценными. Золотых и серебряных копей у гномов, как семечек в тыкве.

— Что за глупости! — продолжила старушка. — Я тебе присмотрела подарок получше. На горе Хим-

мальберг вот-вот созреет Корень Мудрости. Такое случается раз в тридцать лет. Ты его отведаешь и станешь самым мудрым юношей на свете.

— Это прекрасный подарок, но давай ты мне подаришь волшебный корень, когда он созреет в следующий раз. На что мне в мои годы мудрость? Нет, подари мне золото!

Расстроилась бабушка, но делать нечего. Показала внуку, где под землей проходит золотоносная жила длиной в целую милю.

Так Хальберфингер спас даму своего сердца во второй раз, и теперь уже окончательно.

Принцесса пошла к отцу и объявила: «Батюшка, я помогу вам расплатиться со всеми долгами, но взамен поклянитесь, что никогда больше не станете принуждать меня к замужеству и благословите меня на брак с тем, кого я полюблю — кто бы мой избранник ни был». Король поклялся в том на Священном Писании.

А своему маленькому защитнику принцесса сказала:

— Я никогда не выйду замуж, потому что люблю только тебя.

Услышав это, отважный рыцарь побледнел. Ему самому храбрости на такое признание никогда не хватило бы. Хальберфингеру часто снилось, как он надевает Ангелике на палец обручальное кольцо, но такое было возможно только во сне. Наяву его кольцо наделось бы разве что на ее волос.

— ...Значит, если мы были бы одного роста ... — начал он и не закончил.

— Я была бы счастливейшей принцессой на свете. Ну да что о том говорить? Давай я лучше почи-
таю тебе роман о Тристане и Изольде.

Но рыцари не останавливаются ни перед какими препятствиями. В особенности влюбленные рыцари.

Хальберфингер больше не заговаривал с принцессой о любви, но денно и нощно думал только об одном — как бы сделать так, чтобы его обручальное кольцо пришлось Ангелике впору. Он побывал у сотни волшебников, колдунов, чернокнижников, фей и ведьм, расспрашивая их всех только об одном: возьмется ли кто-нибудь превратить малютку вальдменхена в человека. Однако добрые кудесники за такое не брались, потому что операция эта

чересчур опасна, а злые требовали в уплату душу, которую Грюнвальд отдать никак не мог — она принадлежала его любимой.

Но он не отступался и в конце концов отыскал того, кто не боялся опасных опытов и не гнался за чужими душами, потому что был не магом, а ученым.

Однажды Хальберфингер явился к принцессе в чрезвычайном волнении и рассказал вот что.

«В Богемской земле живет знаменитый алхимик доктор Панацельсиус. Много лет по приказу императора он пытается создать Философский Камень, способный превращать простые металлы в золото. Пока не создал, но попутно сделал много великих изобретений. Одно из них — Философская Реторта. Она не умеет превращать одно качество в другое, но может менять количество. Это называется “квантомутация”. На одном конце реторты трубка с отверстием в один дюйм, на другом — раструб во сто крат шире. Субстанция, запущенная с узкой стороны, проходит через наполненный секретным эликсиром куб и выходит с широкой стороны в сто раз увеличившейся. Один подмастерье кладет в трубку унцию золота, а другой через минуту вынимает с другой стороны сто унций. Если нужно, то же самое мастер умеет проделывать и с живыми существами, — продолжил Хальберфингер, размахивая ручками. — Когда императору вздумалось воевать с нечестивыми турка-

ми, Панацельсиус велел наловить в болоте маленьких тритончиков, пропустил их через Философскую Реторту и оттуда вылезли боевые ящеры в человеческий рост. Увидев их, турки от ужаса побросали оружие и разбежались. А когда император отправлял посольство к индусам, которые поклоняются коровам, алхимик запустил в реторту с широкой стороны обычную корову, а из трубки вышла крошечная. Индийский царь от такого подарка был в восхищении. Я списался с мастером и договорился, что выкупаю минуту квантомутации за сто унций золота, чтобы императорская казна не понесла убытков. Если можно увеличить тритона, то чем я хуже?».

Ангелика завизжала от восторга, бережно взяла рыцаря двумя пальцами и закружилась с ним в танце. Но любящее сердце по-особенному чутко, и его вдруг стиснула тревога.

— Ты чего-то не договариваешь, — прошептала принцесса. — Умоляю, скажи мне всю правду.

У вальдменхенов есть один недостаток. Они совсем не умеют лгать. Хальберфингер очень хотел соврать, но не смог.

— Увеличивать живые существа труднее, чем неодушевленную материю, — неохотно сказал он. — Это не всегда проходит гладко. Из десяти тритонов живым наружу выходил только один. То же было и с коровами... Но ты за меня не волнуйся! — тут же воскликнул он. — Я нисколько не боюсь и со мной

ничего плохого не случится. Вальдменхены славятся удачливостью, а я из них самый везучий — ведь меня полюбила ты.

Но Ангелика закричала от ужаса. «Лучше пусть остается всё как есть, — говорила она. — Будем жить, как жили, и даже лучше. Я закажу для тебя уютный кукольный домик, чтобы ты мог жить в моей комнате, и мы сможем никогда не расставаться».

— Как ты можешь мне такое предлагать? — обиделся Грюнвальд. — Да лучше я буду лежать в кукольном гробике!

Зная его упрямство, принцесса поняла, что он не отступится. И смирилась.

Попросила лишь об одном: что отправится к алхимику вместе со своим рыцарем и перед квантовой мутацией оросит его слезами, которые всегда приносили Хальберфингеру удачу.

На том и порешили.

Лаборатория доктора Панацельсиуса располагалась в подвале императорского дворца, и охраняли ее еще лучше, чем самого императора. Дюжие гвардейцы стояли у железных дверей снаружи и изнутри, стерегли Философскую Реторту.

Принцесса с содроганием посмотрела на стеклянное сооружение, похожее на гигантскую рыбумеч с узеньким носом, овальной тушей и широченым хвостом. В середине бурлила и пенилась зловещая жидкость багрового цвета. Это чтобы не было видно крови, если превращение не удастся, подумала Ангелика и стиснула зубы, чтоб не закричать. А рыцарь фон Грюнвальд пребывал в радостном нетерпении. Он любезно поблагодарил великого ученого за разрешение воспользоваться ретортой.

— А? — спросил Панацельсиус, который был глуховат от старости. — А где юноша, который мне писал?

Доктор был еще и слеповат.

— Позвольте вам представить благородного господина фон Грюнвальда, — церемонно сказала принцесса, ставя Хальберфингера на стол прямо перед алхимиком. — Вам лучше воспользоваться лупой.

Панацельсиус посмотрел в увеличительное стекло и сказал:

— Это будет очень интересный эксперимент. В случае успеха он прославит меня еще больше. Вы готовы, сударь?

Со стола донесся писк:

— Готов! Поднесите меня к трубке. Но брошусь я в нее сам. Что ты плачешь, милая? Через минуту мы встретимся вновь. Я не прощаюсь.

— Я плачу, чтобы благословить тебя на подвиг слезами. Но мне очень страшно, и мои слезы посохли до горечи. Зажмурься, не то у тебя защиплет глаза.

Хальберфингер зажмурился, но ни одной слезы на него не упало. Вместо этого раздался шелест, стук каблучков, и когда рыцарь удивленно открыл глаза, он увидел, что Ангелика с разбега, головой вперед прыгает в широкий раструб реторты.

Принцессу подхватило вихрем, закрутило, затянуло в стеклянный куб, и она исчезла в красном водовороте. Рыцарь Грюнвальд закричал так пронзительно, что услышал даже глухой алхимик.

— Мы так не договаривались, — сказал доктор, — но это тоже очень интересный эксперимент. Посмотрим, удастся он или нет. С одной из коров получилось.

Но Хальберфингер смотреть не стал. Он закрыл глаза ладонями и приготовился к тому, что сейчас разорвется сердце.

Эликсир в кубе еще немного попенился, побурлил и успокоился. Жидкость снова стала прозрачной, но принцессы внутри не было.

— Какая досада, — вздохнул доктор Панацельсиус. — Вы привели с собой только одну принцессу, господин рыцарь, или у вас есть еще?

— Помогите мне, я не могу отсюда вылезти! — раздался тут тихий, но очень сердитый писк. — Проклятое стекло такое скользкое!

Это кричала из узкой трубки крошечная, в три четверти дюйма ростом, принцесса. Она была совершенно мокрой, но выглядела вполне прилично, потому что платье тоже уменьшилось и по-прежнему было ей впору.

Тут и сказке конец. Хальберфингер и Ангелика жили в Зеленом Лесу, среди вальдменхенов, очень долго и очень счастливо. Очень долго, потому что век лесных гномов намного длиннее человеческого, а очень счастливо, потому что ей больше не нужно было смотреть на любимого в лупу, ему же не приходилось кричать во все горло, чтоб быть услышанным. Для счастья вдвоем этого вполне достаточно.

А бывает ли на свете что-нибудь лучше счастья вдвоем?

*Не спешите с ответом. Послушайте
еще одну сказку.*

Иванушка Ясны-Очи

— ■ —
*Русская
сказка*

авным-давно в нашем царстве, в Русском государстве жил-был ученый книжник. Много лет читал он ветхие летописи, редкие книги и потайные сказания, выискивал в них сокровенные смыслы и

сокрытые знаки, которые объяснят суть бытия иль хотя бы помогут найти счастье.

И вот он состарился, собрался помирать. Позвал сыновей — их было трое — и сказал им: «Много я прочитал, да немного вычитал. Сути бытия никто не знает, а кто пишет, что знает, тот врет. Про счастье же некое время назад в одном цифирном трактате я кое-что выведал, но мне, старику, это сокровище незачем, да и добывать его страшно, вот я и не стал. Вы — иное дело, вы молодые...».

Тут старинушка умолк, и сыновья напугались, не испустил ли он дух, про главное не договоривши. Стали они кричать: «Батюшка! Батюшка!»,

стали его трясти. Тогда книжник умирать повременил. Открыл глаза, повел речь дальше.

— О чем я говорил, детушки? Про смысл бытия?

— Нет, нет, про счастье! Про сокровище, которое добывать страшно. Что за сокровище, батюшка? Где оно?

— Знаете, где живет Баба-Яга? — спросил отец. — Дорогу туда ведаете?

— За Синь-Лесом, за Мертвой Чащей. Дорогу туда всякий ведает. Это дороги обратно никто не знает. Кто ходил — ни один не воротился.

— Туда вам и путь, коли насмелитесь. В самое ее логово, в Избу-на-Курьих-Ногах.

Сыновья переглянулись. Двое старших поежились, младший ухмыльнулся — ему вечно всё весело было.

— Изба-на-Курьих-Ногах не просто дом. Она — ворота в Тот Мир. Входишь с нашей стороны, а когда Изба повернется задом — выходишь уже Там. Прознал я из трактата, что по Ту Сторону, сразу как с крылечка сойдешь, Изумрудный Луг, а за ним Снежная Роща, и в той роще обретаются Ключи Счастья. Что за счастье отворяют те ключи, в тайной книге не сказано. Известно лишь, что Изба-на-Курьих-Ногах поворачивается отсюда-туда только в полночь, когда тринадцатое число приходится на пятницу. А времени, чтоб добежать до Снежной Рощи и вернуться обратно, немного. Там кукует

кукушка, и как только крикнет она в шестьсот шестьдесят шестой раз, Изба поворачивается обратно. Не поспеешь — сиди с Той Стороны до следующей пятницы тринадцатого... И еще важное. Надобно, чтобы ночь выдалась полнолунная, когда Баба-Яга не может дома усидеть. Вы знаете, при полной луне она носится в своей ступе по небу, высматривает ночных путников, высасывает из них естество, а из кожи делает чучелы... Не попадитесь Яге ни в пути, ни тем боле в Избе...

Сказал это старик, благословил детушек, еще немножко поболел, да преставился. Схоронили его сыновья, стали сами жить.

Были они погодки, все родились на Ивана Купалу и потому поп, не мудрствуя, окрестил их Иванами. Чтоб не спутать, люди звали старшего Иван Умапалата (он был башковит), среднего Ваня Златорук (он был на все руки мастер), а младшего Ванька-Дурень — он был не то чтоб дурак, а дурной: вечно лезет в воду не зная броду; сначала делает, а потом думает, и то не всегда.

Пожили они втроем год-другой, и вот настал день, когда пятница пришлась на тринадцатое, да еще на полнолуние. Братья давно уже того ждали, друг перед дружкой храбрились, а тут надо идти — и боязно.

Иван Умапалата говорит: «Вы как хотите, а я себе счастья своим умом добуду, без волшебства».

Ваня тоже передумал. Я, говорит, со своими руками и так себе добра наживу. Один только Ванька не дрогнул. «А я схожу, погляжу, что за Ключи Счастья такие. Если что, не поминайте лихом».

И пошел себе. Он же дурень был.

Про других братьев что еще сказать? Всё вышло, как они задумали. Старший добыл себе покойного счастья, какое бывает только у умных. Средний нажил себе всякого добра. А и бог с ними. Счастливо и покойно только жить приятно, а сказку про то сказывать скучно. То ли дело про беды и злосчастья.

Тут еще надо знать вот что. В мире счастья и несчастья, доброго и злого аккурат поровну, и если один забрал себе всё хорошее, значит, другому достанется только лихо. Кому на роду суждено скакать по ухабам, тот мимо ямы не проедет.

До Синь-Леса Ванька дошел еще засветло, когда бояться нечего. Но ступил под высокие сосны — всё окрест засинело, загустело, заухал филин, где-то вдали завывали волки. Темнело. Под шагами недобро хрустели ветки. Кто поумней, повернул бы во свояси, а Дурень знай себе топал да насвистывал.

Заблудиться он не боялся — дурные мало чего боятся. Шел на авось, бездумно. Когда совсем закромешничало, подобрал с земли палку, замахал ею перед собой, чтоб не наткнуться на дерево. И ничего, не натыкался. Волки убрались от стука подальше, медведь не проснулся.

Когда же Ванька ступил в Мертвую Чашу, взошла луна, осветила сухостой и бурелом. В это гиблое место люди и звери не забредали даже днем, нечего тут было делать, и тишина вокруг стояла, как на ночном погосте.

Только вдруг засвистело наверху, загудело. Дурень задрал голову. Ишь ты! Несется над верхушками мертвых деревьев здоровенная бочка, а в ней старуха с добрую коровищу. Глаза — красными угольями, седые лохмы вьются по ветру. Баба-Яга! Летит да похохатывает, скорую поживу чувствует. Ей в полнолуние самый смак.

«Вон она какая, Яга-то, — сказал себе Ванька. — Ишь, злыдня!» — И сдуру перекрестился.

Лесная ведьма увидеть его не увидала, но святое знамение почуяла и хохотом подавилась.

— Кто тут пакостит?! — завывала она сверху. — Ууу, зажру!

Да орлицею вниз, в самую чашу. Мечется между стволами, глазищами сверкает.

Хорошо близко был дуб с вывороченными корнями. Ванька меж них затаился, пересидел.

Пошумело в воздухе, порокотало, пахнуло нежитью, и унеслась Баба-Яга прочь. Подумала, примерещилось ей.

А Дурню хоть бы что. Вскочил, встряхнулся, побежал дальше. Радуетя, что проклятая изба без хозяйки осталась.

Долго ли, коротко ли пробирался он скверным лесом, но незадолго перед полуночью вышел на большую поляну. Сверху льется серебряный свет, внизу, за частоколом, горбатится островерхий домик навроде поставленного торчком гроба — то ли дом, то ли домовина, а позади него клубится мгла. Если в Мертвой Чаще было тихо, как на ночном кладбище, то тут и вовсе беззвучно стало — будто в могиле, глубоко под землей.

Не шибко думая, а правду сказать, вовсе не думая, помчался Ванька вприпрыжку к ведьминому жилищу. Скоро разглядел, что частокол составлен из серых столбов, ворота нараспашку — заходи кто хошь, к дому ведет мощеная дорожка, окаймленная белыми круглыми камнями, а по сторонам шелестит, колышется под ветром, блестит под луною темная стриженная трава. Избу тоже рассмотрел. Была она неладно сложена, да крепко сшита, бревнышко к бревнышку, с двумя темными занавешенными окошками, стояла на двух упористых узловатых лапах.

«Чисто бабка живет, основательно — сказал сам себе Ванька. — Хоть и ведьма, а порядок любит».

От бега он запыхался, решил малость передохнуть. Оперся о воротный столб, а тот гладкий, податливый, будто кожаный.

Поглядел — а это не столб. Нагой труп с сомкнутыми очами, весь сморщенный. Впритык к нему другой, третий, четвертый. И весь частокол такой, мертвец к мертвецу. Кожа человечья, а внутри сено или трава. Вот куда Яга девадет тех, из кого естество высосала!

На что Дурень бесстрашный был, а тут шархнулся, завопил: «Мамушки!».

Только дальше стало еще страшней.

Раздался громкий скрип. Дом проснулся. Переступил с лапы на лапу, занавески сами собой раздвинулись, в окошках замерцали огоньки — будто открылись два злобещих глаза.

Есть люди, которые от страшного прочь бегут, а есть кто наоборот — словно мотыльки на огонь. Таков был и Ванька. Перепугался он еще пуще, до дрожи, заорал истошней прежнего, но не попятился, не зажмурился, а ступил на мощеную дорожку — и вперед! А чтоб не видеть жуткой избы, глаза книзу опустил.

Только лучше б он этого не делал. Крутые камни по краям дорожки оказались людскими черепами, а трава по бокам никакой не травой. Там шипели и переплетались лесные гадюки, многие тыщи, тянули к незваному гостю свои хищные головки, сверкали лютыми бусинами-глазенками.

Взвыл Дурень, избу и бояться позабыл, кинулся в нее, как в убежище, пулей взлетел по крылечку, хлопнул дверь и только внутри перевел дух.

Уф, страсть Господня! Креститься, однако, поостерегся.

Покачалась изба, поскрипела, будто ворча, да и успокоилась. Малость пришел в себя и Ванька, принялся осматриваться.

Сначала ему показалось — горница как горница. Печка, стол, сундуки-лавки, на полках стеклянные банки с вареньями, с потолка свисают вязки сушеных грибов. Все-таки бабушка есть бабушка, хоть и Яга, подумалось Ваньке. Тоже и у ней свое хозяйство.

Только поглядел, а это не грибы — уши челове- чьи. И варенье в банке не из простых яблок — из глазных.

Попятился он от таких ужасов к печке. Та как лязгнет заслонкой — будто чугунной челюстью! Ванька от греха на стол забрался. Об одном думает: поскорей бы полночь.

Луна уже на самую макушку неба взобралась. Изба опять начала потрескивать, вздыхать, переминаться с ноги на ногу. Сейчас повернется к Это- му Миру задом, а к Тому передом.

Ванька бояться перестал. Кинулся к окошку. Любопытно стало посмотреть, где граница между Этим светом и Тем. Дурни потому и дурни, что в них любопытство сильнее страха.

Но только домовина закричала, только начала поворачиваться, как из черной чащи вылетела, да над лунной поляной, со свистом, понеслась ступа, и в ней косматая старуха. Глаза горят, метлой, как веслом, по воздуху загребают. Раскатился над поляной вопль:

— Кто ко мне залез? Кто заклятье потревожил?

Догадался Ванька, что Баба-Яга, уходя, на избу заклятье кладет, которое ей знак посылает, если в доме чужой. Потому, знать, и ворота нараспашку.

Видно, надо пропадать, подумал Дурень. Стоять и мне кожаным столбом в ейном заборе. Глазеньки мои пойдут на варенье, уши на засушку...

Зажмурился, да и просмотрел, как изба повернулась к нашему миру задом, а к ненашему передом. И хорошо, что просмотрел, повезло Дурню, а то б из него дух вон. Такой уж порядок.

Открыл Ванька глаза, когда дом замер на месте. И тут уж дожидаться не стал, бросился опрометью вон — ну ее к лешему, такую избу. Скатился по ступенькам да ослеп от дневного света, споткнулся, полетел лбом в траву.

Она была такая ярко-зеленая, блестящая на солнце, переливчатая, словно сплошь из изумрудов.

Эге, сказал себе Дурень, садясь. Вот он, Изумрудный Лут, про который в потайной книге прописано. Где тут у вас Снежная Роща?

Увидел вдали и рощу. Была она не снежная, а березовая, но стволы такие белые, словно вправду вылеплены из снега. Где-то закуковала кукушка.

Разом позабыв про пережитые ужасы, Ванька вскочил, помчался вперед, за Ключами Счастья.

Считать кукушкин крик, однако ж, не забывал. Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь... Помнил, что до счета «666» надо назад поспеть, не то Изба-на-Курьих-Ногах сызнова повернется, и пиши пропало. Как мимо страшной хозяйки проскочить, о том Ванька пока не думал. Не было у Дурня такой привычки — вперед думать. Авось как-нибудь устроится.

«Ну-ка, какие они, ключи? — приговаривал Ванька, бегая между берез. — Верно, золотые или яхонтовые?».

И услышал тихое журчание. И увидел три валуна. Под каждым бьет ключ, а поверху высечена надпись.

На одном камне писано: «Кто отсюда изопьет, умен станет». На втором: «Кто отсюда изопьет, удачлив станет». На третьем: «Кто отсюда изопьет, пригож станет». Вот какие это ключи были. Не золотые, не яхонтовые, а водяные, которые изпод земли бьют.

Обрадовался Ванька. Ух ты, думает, сейчас напьюсь отовсюду, сделаюсь умней, удачнее и красивей всех на свете. Вот оно, счастье! С умом-то, а пуще того с удачей как-нито и мимо чертовой бабушки проскочу.

Надо было поспешать, кукованье уж на третью сотню пошло. Однако попалась Ваньке на глаза еще

одна надпись, четвертая, висела поверху. Прочитал он ее — зачесал в затылке.

Надпись была такая: «Кому одного ключа мало покажется, захочет еще и из другого испить, тот мертв падет». Тут же рядышком и скелет лежал. То ли кто-то шибко жадный, то ли до конца не прочел. Костяка Ванька после всех бабкиных упокояников не испугался, но пить из трех родников передумал. Как уже говорилось, был он дурень, но не дурак.

Стал выбирать: что лучше? И тут уж, хочешь не хочешь, думать пришлось.

Умным становиться Ванька сразу не соблазнился. Сказал себе: у нас в семье Иван умный, хватит. Но насчет удачи и пригожести долго мучился. И того хотелось, и этого. А потом говорит себе: шибко удачливым быть скучно. За что ни возьмись, лихая вывезет. Скоро надоест радоваться, иззеваешься. Хлебну-ка я лучше пригожести.

По правде же сказать, главное соображение у него было вот какое. Удачливость, она когда еще себя покажет, а на свою новую красу можно полюбоваться прямо сейчас.

Зачерпнул ледяную воду горстью, да и выпил. Сладко!

Зеркальца у него с собой не было, потому нагнулся над бочажком, куда сливались все три источника, стал смотреть.

Ох, до чего ж он стал хорош! Даже в воде было видно. Брови изогнулись дугами, очи засияли, нос морлился, зубы засахарели, волосы вскудрявились. И еще и выросли, завились усы, молодцу для красоты.

Долго не мог Ванька на себя налюбоваться. Спохватился, а кукушка давно уж умолкла.

«Матушки мои! — ахнул красивый Ванька. — Это ж я в Наш Мир теперь до следующей пятницы тринадцатого не ворочусь!».

Взял прутик, стал на земле числа и дни недели писать. Выходило, что ему в Том Мире, который для него теперь стал Этим, придется как-то семь месяцев обитать. И это по самому меньшему счету — если на следующую годную пятницу полнолуние выйдет.

Надо было как-то обживаться.

Пошел Ванька гулять по Тому Свету и скоро увидал, что бояться здесь вроде нечего. Те же леса, поля, реки. Светит солнце, поют птицы. Вдали видно деревни, и они почище наших. На холме пестрит разноцветными крышами городок — ничего себе, нарядный.

Осмелел Дурень, вышел на дорогу. Там люди, собой обыкновенные. У всех нос, уши, глаза, гово-

рят промеж собой по-нашему, одеты только чудновато, но это привыкнуть можно. И все на него, на Ваньку плятятся. Он сначала подумал из-за лаптей и косоворотки (тут-то ходили в башмаках, а носили камзолы), ан нет — встречные глядели на Ванькино лицо, и мужики с парнями сердито супились, а бабы с девками розовели. Эге, сообразил тогда Дурень. На пригожесть мою изумляются.

Подвело у него брюхо — с вечера маковой росинки во рту не было, одни переживания. А мимо баба идет с лукошком пирогов, на базар или еще куда. Он попросил один, Христа ради. «Кого ради?» — удивилась баба (видно, на Том Свете про Иисуса Христа не слыхивали), да так Ванькиной красой залюбовалась, что давай его потчевать: «Кушай, касатик, угощайся». Так он всё лукошко и умял, больно хороши пироги оказались. А баба ему: «Пойдем ко мне, красный молодец. У меня в печи еще есть».

«Нет, баба, я пирогов боле во всю жизнь в рот не возьму», — сказал Ванька. И пошел, а пирожница горько заплакала.

И пришла Дурню в голову мысль, что нечасто случалось.

Коли ему тут долгие месяцы, а то, глядишь, и годы куковать, не жениться ли? Чай за такого пригожего всякая пойдет. Будешь сыт, домашен и обижен, плохо ли.

Тут и город показался, большущий. Не иначе стольный.

Отправился Ванька на базар, в ряд, где свахи сидят. Нашел самую важнющую. Сидит, чай из самовара пьет, пряником прикусывает.

Так, мол, и так, говорит ей Ванька, имею желание пожениться. Какая у вас тут самолучшая невеста?

Сваха на него поглядела, языком поцокала. Такому кавалеру, говорит, только первейшая на весь город боярышня подойдет, Василиса Патрикеевна. За великую мудрость зовут ее Премудрую, и нет на всем свете жениха, кто был бы ей ровня. Она уж мне сетовала: «Видно, так вековухой и проживу». Но на тебя и у ней сердце дрогнет. Пойдем, говорит, селезень, отведу тебя к Василисушке.

«Э нет, — отвечал ей Ванька. — Сначала пойду на нее посмотрю, а то, может, она страшней смертного греха, твоя Премудрая».

Там же на базаре спросил: где, мол, жительствоет боярышня Василиса. Ему и сказали.

Пришел Ванька в указанное место. Видит двор, во дворе терем. Подходит — у окна сидит девица, да такой несказанной красоты, что Дурень встал будто каменный. Не шелохнется, не мигнет. И дева тоже на него смотрит — глаз не отрывает, не дышит.

Не сразу, а время спустя, сдернул Ванька шапку, поклонился.

— Здравствуй, Василиса Патрикеевна, очень мне желательно на тебе жениться и жить с тобой не расставаясь, сколь подарит судьба.

Она ему в ответ:

— Патрикеевна — то Василиса Премудрая, а я Василиса Елисеевна. Меня еще зовут, не знаю почему, Василисой Прекрасной.

Понял Ванька, что его на базаре не к той Василисе послали. Видно, спрошенный рассудил, что такому красавцу к красавице и нужно. Но ошибке Дурень нисколько не огорчился, только обрадовался.

— Бог с нею, с Премудрой, мне только ты нужна. Звать меня Ванькой-Дурнем, ни гроша у меня нету, но любить я тебя буду крепче всякого царевича-королевича.

— И я тебя полюбила, — молвила ему красавица. — Как такого не полюбить? Давай жить, не расставаясь, сколь подарит судьба. Я согласная. Лучше с тобой в лесном шалаше, чем тут взаперти, со двора не выходя.

— А почему ты со двора не выходишь?

— Нельзя мне. Кощей Бессмертный, которого весь свет трепещет, рассылает повсюду лазутчиков — высматривать самых красивых девушек. Каких заметят — к нему, бедных, забирают. Ихней красотой он, изверг, свое бессмертие питает. Так всю жизнь у окошка и сижу. Забери меня отсюда, милый! Я бы за тобой хоть сейчас пошла все равно

куда, но у меня батюшка с матушкой. Как без ихнего благословения? Ты вот что. Приоденься понарядней, да приходи свататься чин по чину. Батюшку с матушкой я уговорю, мне от них ни в чем отказать нет. Только Ванькой-Дурнем больше не зовись. Отныне для меня и для всех будешь ты Иванушка Ясны-Очи.

На том и условились. До ворот идучи, Иванушка Ясны-Очи раз десять к своей суженой оборотился, а она ему все платком махала.

На улице же приключилось вот что. Выехала из угла хрустальная карета, запряженная шестеркой вороных коней. Серебряные подковы по мостовой цок-цок.

В карете дева. Так на лицо ничего себе, только немножко косяя. Одним глазом книгу читает, другим вокруг поглядывает. Увидала Иванушку, оба глаза на него уставила, высокий лоб наморщила, велит кучеру остановиться.

— Ты-то мне, молодец, и нужен, — говорит. — Сваха прибежала, сказала, ко мне небывалый красавец свататься пошел. Что ж ты припозднился? Видишь, поехала сама тебя искать. Я Василиса Па-

трикеевна. Садись в карету, буду с тобой беседу беседовать.

— Не о чем нам беседовать, — молвил Иванушка. — Есть у меня уже невеста, Василиса Прекрасная.

Посмотрела на него боярышня, подумала.

— Ладно, — говорит. — Невеста у тебя есть. А чего у тебя нету? Вижу на челе твоём думушку. Может, я чем помогу? Люб ты мне, красный молодец.

— Свататься надо, а денег взять негде, — пожаловался Иванушка. — Мне бы какой-никакой кафтанишко, башмаки сафьяновые иль хоть сапоги, а то, вишь, я в лаптях.

— Такому лыцарю в каком-никаком кафтанишке свататься зазорно, — отвечает она. — Тебе к лицу бархат с золотым шитьем. И слава великая, чтоб народ тобой любовался. Тогда бы ладно и свадьбу сыграть — пир на весь мир. Хочешь я тебе всё это устрою?

— Конечно хочу! — закричал Иванушка. — А как?

— Садись. Едем.

Повезла Василиса Премудрая его к себе в терем. Там богато, затейно, всюду книги толстенные, на потолке золотом нарисованы созвездия, на полу — разные страны и моря. Глобус Того Света на треноге, подзорная труба в небо смотреть и много других чудес.

— Ты человек пришлый, — сказала гостю боярышня, — и верно, о Змее Горыныче не слыхивал.

— Отчего же, слыхивал, да ведь Илья Муромец ему все три башки срубил, на тот свет отправил.

— Так это аккурат к нам, чтоб вашему Муромцу повылазило, — говорит Премудрая. — Живехонек-здоровехонек Горыныч, и все башки на месте. Поселился за рекой, близ переправы. Всю торговлю порушил. Людей пугает, купцов грабит, пшеничные поля огнем жжет. Кто Змея Горыныча победит, тому город тыщу золотых червонцев даст, а народ его любить станет. Смекаешь, к чему я?

— Смекаю, не дурак, — отвечает бывший Дурень, а ныне Иванушка Ясны-Очи. — И оттого что не дурак, биться со Змеем не пойду. Я чай не богатырь, не Илья Муромец. Сожрет меня Горыныч да выплюнет.

— А тебе сильно биться и не придется. Я уж всё приготовила.

Кладет Василиса Патрикеевна перед ним щит и меч.

— Щит этот не простой, а волшебный, огнеотталкивающий. Как Горыныч в тебя горючим огнем плюнет, пламя назад отлетит и голову, его изрыгнувшую, спалит. Меч самоходный — сам твоей рукой двигать будет, только выхвати его из ножен, да крепче держи. Оттяпает чудищу и вторую башку, и третью. Вот и вся баталя. Только близко потом не

подходи, чтоб Змей, издыхая, тебя хвостом своим не зашиб.

Обрадовался Иванушка. Схватил щит и меч, готов хоть сейчас в бой.

Но сразу-то она его не пустила. Сказала, утро вечера мудренее.

Усадила потчевать сладкими яствами, поить заморскими винами, а разговоры вела такие, что Иванушка заслушался. Кабы не любил Василису Елисеевну, пожалуй, влюбился бы в Патрикеевну. Глазами она больше не косила, потому что глядела только на писаного красавца, и то ему было лестно.

А утром Премудрая проводила змееборца до самой переправы, еще раз разобъяснила, как держать щит и меч, по-сестрински обняла на прощанье и сказала, что не сойдет с места, пока Иванушка не вернется с победой.

На той стороне по торговому шляху быстро мчали повозки с товаром, поспешали люди. Никто не шумел, у лошадей морды были обмотаны тряпьем, тележные колеса смазаны, сбруя не брнчала. Над дорогой, над полями, над ближними холма-

ми неся мерный, перерывчатый храп: хррррр... хррррр... хррррр...

Иванушка знал от Василисы Патрикеевны, что Горыныч поселился в пещере. Вреда от гадины было бы много больше, кабы он половину дня не дрых. Когда с холмов доносился храп, дорога оживала. Когда делалось тихо — пустела. Оно бы и ничего, хоть и докучно, но жить можно, однако же подлая тварь, бывало, прикидывалась. Начнет храпеть, а сама не спит. Как вылетит, как выскочит, и давай огнем палить, зубищами рвать, когтями раскрамсывать. Что народу погубил, ирод, не счесть.

Увидели люди, что Иванушка один к холмам идет, смело — закричали ему: «Куда? Опомнись! Ты кто такой полоумный?».

— Я Иванушка Ясны-Очи, иду вас всех от чудища спасать.

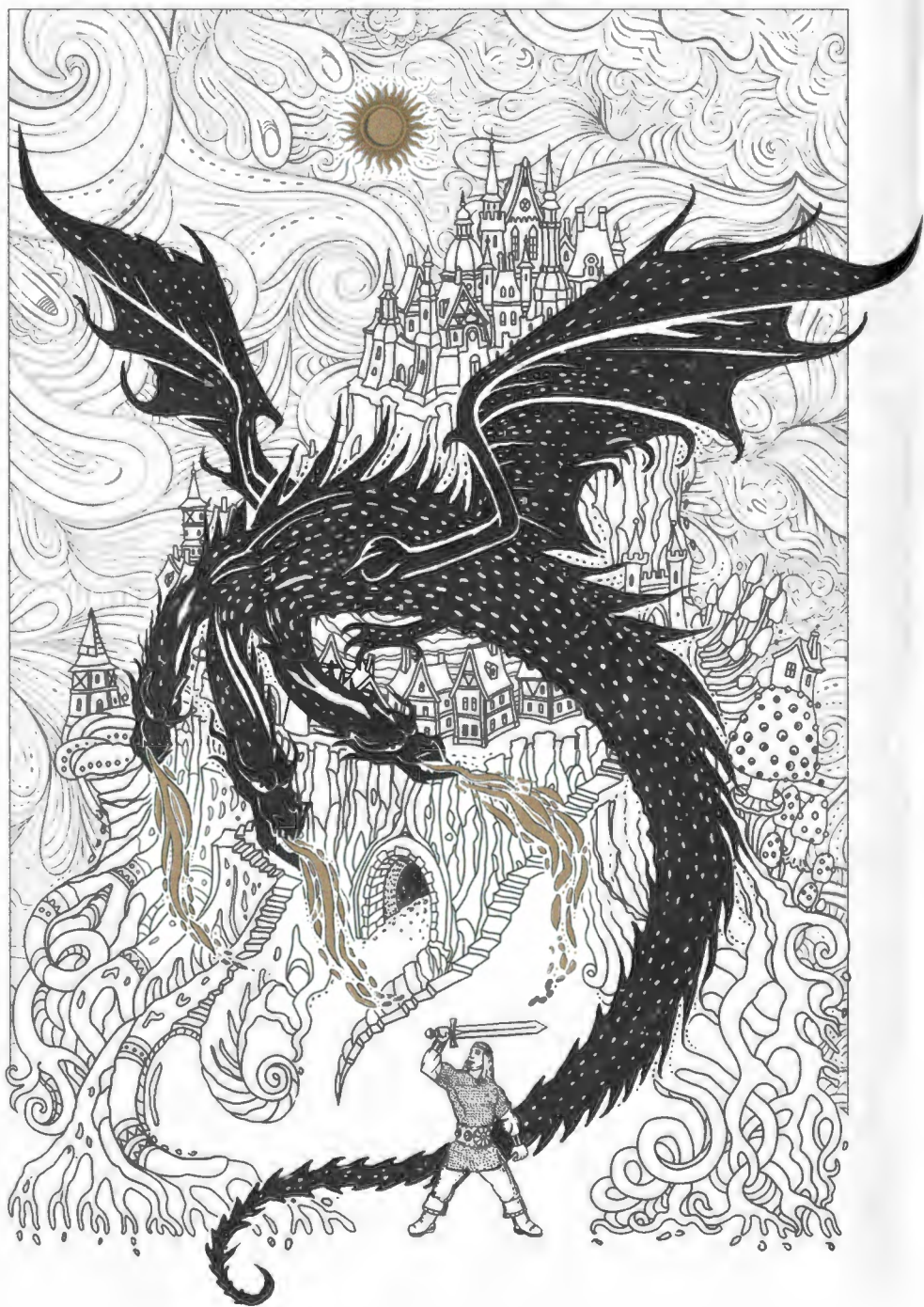
— Стой! Разбудишь его! Сам сгинешь и нас погубишь!

А Иванушка знай идет, не оборачивается. Побежали тогда все прятаться, кто куда. Повозки с товаром побросали. Но кто похрабрей, конечно, из укрытий высунулись посмотреть: что будет?

Вскарабкался Иванушка на холм, где пещера. Увидел в склоне дыру, из нее дым.

Закричал сам себе: «Эгегей, не робей!». И не стал думать, что из всего этого может выйти. Просто пошел, и всё.

Тут Горыныч возьми и проснись. Может, русский дух почуял. Может, крик услышал. Или просто надрыхся уже.

Высунулась из пещеры голова — бутристая, шипастая. Как у черепахи, только в тыщу раз больше. Оскалилась пасть, из нее высунулся красный раздвоенный язык локтей в пять. Буркалы похлопали перепонками. Удивился Змей, кто это такой смелый.

— Выходи биться, собака! — закричал Иванушка, да закрылся щитом, чтоб не видать этакой страсти.

И хорошо, что закрылся. Голова без предварения, без рыка и зубовного оскала, а сразу, в мгновение, метнула бешеную струю огня. Тут бы дурню и сгореть лучинкой, но пламя ударилось о волшебный щит, завертелось, да и отлетело обратно, шибануло прямо в разверстую пасть. Башка поперхнулась огненным смерчем, окуталась дымным облаком, рассыпалась искряным дождем.

— Уууууууу!!! — гулко взывала в пещере другая голова.

А третья завизжала:

— Иииииии!!!

Затрясся холм, покатались камни, и до того это было жутко, что захотелось Иванушке убежать, пока две остатние башки из дыры не высунулись.

Но меч сам собой запыргал в ножнах — нельзя было его не достать. Когда же Иванушка булат

вынул, клинок словно ожил и потащил витязя за собой.

— Ааааа!!! — завопил теперь уж и Иванушка, но, памятуя Василисино наставление, рукоять держал крепко.

Влетели они оба — сначала меч, а за ним рыцарь — в темную пещеру, и что там потом было, Иванушка не видел, потому что закрыл свои Ясны-Очи.

Слышал треск и хруст, шмяк и бряк, стон и звон. Ор в три глотки — одна его собственная. И бухнуло что-то тяжелое: раз, потом еще раз. После этого кричал один только Иванушка. Горыныч молчал.

Осатаневший меч всё рубил и рубил чешуйчатую тушу, во все стороны летела холодная зеленая кровь. По стенам бил кольчатый хвост длиной с хорошее бревно.

Наконец победитель догадался выпустить меч и только тогда на четвереньках выполз из жуткой пещеры, а булат все месил и месил издыхающую гадину.

Вниз Иванушка скатился, не помня себя. Весь ободранный, заляпанный слизью, в зеленой кровище, с пустыми ножнами. А все равно красивый.

К нему со всех сторон бежали, славили храбреца, что сразил Змея Горыныча.

У реки ждала Василиса Патрикеевна. Смотрела издали с тихой улыбкой, как чествуют героя. Про свою помощь помалкивала — одно слово Премудрая.

После тихо подошла, шепнула: «Как я тобою горда! Я так за тебя боялась!».

— Мне бы к Василисе Елисеевне надо, — молвил Иванушка, едва держась на ногах.

— Как ты к невесте такой явишься — грязный да пахучий? — сказала боярышня. — Поедем домой, отдохнешь. В парном молоке выкупаешься, выпьешь зелена вина, поспишь. А утром нарядишься в бархат-золото, да и отправляйся. Весь город тебя проводит.

Так оно всё, по ее мудрому слову, и вышло. Утром Иванушка разрядился в шелка и бархаты, стал такой красивый, что жалко от зеркала отходить. Поклонился народу на все стороны. Сел на белого коня. Подбоченясь поехал. «Ясны О-чи! Ясны О-чи!» — кричала улица. Девушки млели от Иванушкиной красоты, некоторые даже, не снеся восторга, падали в обморок.

Въехал жених к невесте во двор, а там не как в остальном городе. Никто не празднует, не ликует. Все плачут, стонут, горюют. А в окошке, где давеча сидела Василиса Прекрасная, пусто.

— Где она? — закричал Иванушка. — Где моя Василиса? Не случилось ли с ней худо?

Случилось, как не случиться.

Рассказали ему Василисины домашние, что вчера с утра боярышня сама не своя была. Всё повторяла: «У милого беда! Он в опасности, я чую!». И не удержали ее. Побегала в город жениха искать. И увидал ее, раскрасавицу, какой-то лазутчик бессмертного Кощея. А как такую не увидишь, если от нее на улице светлее делается?

Пал с неба черный орел, Кощеев подручник. Схватил Василису Елисеевну когтями за подол и уволок прочь, в Треклятое Царство к своему костлявому владыке. Пропала Василисушка, обратно не вернется...

— Далече ли Треклятое Царство? — закричал тогда Иванушка страшным голосом. — В какую сторону скакать?

«Если б далече, — сказали ему плачущие слуги. — До него, поганого, рукой подать. За горами оно, за лесами. Поедешь на закат, мимо не проедешь. Да только Кощей — не Змей Горыныч. Даже тебе, геройский витязь, его не одолеть. Кашей неоходимый. Бессмертный».

Никого Иванушка не послушал. Пришпорил коня, помчал.

Ехал день, проехал горы. Ехал ночь, проехал леса. А там уж начиналось Треклятое Царство. Ни людей, ни скотов, одни камни, да в небе вороны. Что за царство такое, без подданных, непонятно.

Конь под Иванушкой был богатырский, стольным городом дарёный. Во всю дорогу не споткнулся, не затомился, а тут встал столбом — фрррр, ноги дрожат, грива дыбом. И ни в какую. Почуял гибель.

Отпустил коня Ясны-Очи, зачем животине пропадать? Пошел дальше пеш.

Видит — впереди мерцает нечто. Приблизился — дворец. Сам бела мрамора, крыша узорчата, башни порфир да малахит, а крыльцо чистого золота. Богаче богатого, а не сказать, чтоб красиво — глаз режет.

Как Кощея одолеть и Василису Елисеевну спасти, Иванушка пока что не придумал, очень уж за милую тревожился. Ему казалось: только б ее найти-отыскать, а там оно как-нибудь устроится.

Взбежал он по золатым ступенькам бестрепетно, зашагал дивными залами, просторными покоем один другого чудесней. Ни души нигде не было, только пел вдали тихий, невыразимо сладкий голос, девичий.

— Василиса! Василисушка! — закричал Ясны-Очи. Кинулся со всех ног, распахнул резные двери и замер.

Открылся перед ним еще один чертог, не такой, как прочие. На потолке писаны красками охотничьи картины, на стенных коврах висят драгоценные кинжалы с самострелами, длинной ве-

реницей звериные головы на щитах — так Иванушке показалось. На стены-то он толком и не посмотрел, потому что посреди охотничьей залы стоял стол, на столе золотая клеть, в ней дева-не дева, птица-не птица, а ни то, ни другое, иль и то, и другое: прекрасный собой девичий лик на птичьем теле. Выходит, это она, птицедева, столь сладко распевала.

Увидела Иванушку, петь перестала.

— Кто ты? — спрашивает. — Ты наяву иль мне привиделся, такой пригожий?

— Я-то Иванушка Ясны-Очи, — говорит он, — а ты что за диво? Ты девица или птица?

— Ныне я птица, — отвечает. — А раньше была девица. Кощей меня похитил, но не извел, как других. Больно сладко я пела. Заколдовал, посадил в клетку, чтоб я его тешила. Ах, лучше б он меня, как прочих, до смерти зализал!

И горько заплакала.

— Как это «зализал»? — спросил Иванушка. — И где они, другие?

— Да вот же, на стене. Ослеп ты что ли?

Огляделся Ясны-Очи — и покрылся ледяным потом. Уж на что двор Бабы-Яги был страшен, а тут еще хуже.

Не звериные головы висели на стенах, а старушечьи. Все в морщинах, с седыми волосами.

Птицедева рассказала:

— Как Кощею новую девушку доставят, начинает он у бедной с лица воду пить — так он это напивает. Она, сердешная, слезами заливается, а он своим поганым языком их слизывает. От этого краса и молодость от нее к нему переходят. Как всё до доньшка вылижет, новой жизнью нальется, дева обращается в дряхлую старуху. Тогда он голову ей отрубает — и на стену...

— Что ж я с тобой лясы точу! — закричал тут Иванушка. — Мне суженую спасти надо, пока Кощей ее до смерти не зализал! Где мне Василису найти?

— Коли тебе жизнь не дорога, скажу, — молвила пленница. — Но не за просто так. Сначала ты мне службу сослужи. Сломай мне шею, прекрати мои страдания.

— Как же ты мне скажешь, если я тебе шею сломаю? Я чай не дурак. Давай наоборот. Подсказка вперед, шея потом.

— Ладно. Только гляди, ты слово дал. Пойдешь вперед. Повернешь тридцать раз налево и потом тридцать раз направо. Попадешь в Кощееву спальню. Там свою суженую и сыщешь. А теперь ломай мне шею.

Поглядел Иванушка на ее шею, всю в перьях, почесал затылок.

— А может, говорит, я тебя лучше из клетки выпущу? Летай себе где захочешь. Поется — пой, не

поется — так на ветке сиди. Чем плохо? Может, встретишь Финиста Ясна Сокола, полюбитеесь, птенцы вылупятся.

Отворил клетку, сам дальше побежал. Потому что не всякое слово держать надо.

Распахнул тридцать дверей налево, тридцать направо и ворвался в черную-черную комнату. Стены, пол, потолок, утварь, даже окна — всё там было черное, но сверху лился яркий луч, и в том луче сияло красой лицо Василисы Елисеевны, несчастное, от слез мокрое. Сидела боярышня, привязанная к креслу, плакала. Горючими слезами.

Увидала Иванушку, запричитала:

— Пошто ты сюда явился, на погибель? Меня не спасешь и сам пропадешь! Беги, пока Кощей не вернулся!

— Вместе убежим.

Бросился он к ней, стал развязывать, увещеваний не слушал.

Тут-то Кощей и вернулся.

Никого Ясны-Очи не увидел. Только качнулся воздух, сжался пружиною, отшвырнул Иванушку в сторону, подкинул. Повис он под самым потол-

ком — ни шевельнуться, ни глазом моргнуть, будто в параличе.

И слышался голос — скрипучий, с прищепотом:

— Этта фто исё за сюсело? Откеда взялося?

Дунуло Иванушке по лицу холодом, повеяло мертвечиной — это Бессмертный его разглядывал. А самого Кощея видно не было.

— Молодес... Ифь, красивый какой. Фто в это я раньфе молодсев не пробовал? Эвон они какие бывают...

И коснулось щеки что-то липкое, мокрое, донельзя противное. Иванушка и заорал бы, да паралич не дал.

— Тьфу! — прошамкал воздух. — Сухая лофка рот дерет. Эй, молодец, а ну-ка поплась. Я тя сяс малость разморозу.

Полегче немножко стало. Руки-ноги не задвигались, но хоть глаза заморгали, и губы размягчились. А еще откуда ни возмись, прямо перед Иванушкой соткалась рожа — ух, скверная!

Обтянутый морщинистой кожей череп, поверху седой пух. Впалые глазницы будто черные ямы. Желтоклыкастый рот. Костлявый подбородок.

— Столько ты девичьей красы слизал, а такой урод! — сказал Иванушка ожившими губами. — Не в коня корм. Не буду я плакать. Так лижи, не по-

давись. И ты, Василисушка, не плачь. Не тещь его, облезлого.

Молвил дерзкое слово и приготовился лишиться жизни. А на кой она такая нужна? Не жалко.

Оскорбился Кощей, расшумелся. Никто ему такого прежде говорить не насмеливался.

— Не урод я, — кричит, — не урод! Мне три тыщи лет, а я всё молодцом! Сяс тебя невежу в свинясий помет преврасю!

— Ладно ль оно будет, гадить в собственной спальне-то? — спросил Иванушка в пустоту, потому что Кощей сызнава исчез. — В хлев меня сначала доставь или куда.

Выгадать бы сколько-нисколько времени. Вдруг какое чудо явится, спасет?

Оно и явилось, чудо. На то она — сказка.

Отворилась тут дверь, послышался звонкий голос.

— Мое почтенье Кощею Кошеевичу!

Василиса Премудрая!

— Тебе-то зачем пропадать? — крикнул ей Иванушка. — Отпусти ее, старче! На что она тебе? Она, вишь, косая, некрасивая!

Другая дева насмерть бы обиделась, а Василиса Патрикеевна ничего. Очень уж мудрая была.

— Не обо мне, говорит, речь, а о драгоценном здоровье Кощея Кошеевича. На что твоему степенству утруждаться, черт-те кого лизать? А заразная

попадется? Не всякая хворь сразу видна. Ты бы лучше, батюшка, моего декохту молодости попробовал. Я его по волшебным книгам варила. Мазнешься два раза утром да два раза вечером — и молодость тебе будет, и краса. Испытай-ка. — Протянула хрустальную склянку. — Да не опасайся, мажь. Чего тебе станется, бессмертному?

Склянка сама собой у нее из руки исчезла. Открылась крышечка. Вылезла щепоть мази, растерлась по воздуху — и нарисовалась Кощеева рожа, такая же тощая, как прежде, но, пожалуй, малость поглаже.

— Хорофо-то как... Свежохонько... Дуфисто, — прошамкал старичина. — Кожа дыфит!

— Отпусти ты их, а я тебе за это бумажку дам, где прописано, как декохт варить. И других дев больше не кради. На что они тебе теперь?

— Про других не жная, привык я, — проворчал Кощей. — Люблю, когда девки пласют. Но этих ладно. Жабирай. Хотя невежу этого надо бы, надо в свинясий помет превратить.

Свалился расколдованный Иванушка на пол, сами собой пали с Василисы Прекрасной путы, схватила Премудрая обоих за руки — и скорей, пока изверг не передумал, побежали они по мраморным полам, а потом по каменистой пустыне прочь из Кощеева дворца, из Треклятого царства.

Только за лесами, за горами остановились пере-
вести дух.

И сказала Василиса Премудрая Василисе Прекрасной:

— Давай решать, с кем ему быть, Иванушке, — с тобой или со мной.

— Со мной, — отвечала Прекрасная. — Он меня любит, счастлив без меня не будет!

— А без меня он пропадет, сама видела. Ты его любишь? Коли любишь — делай, как для него лучше.

— Э, э, девы! — зашумел Ясны-Очи. — Может, я сам решу, с кем быть?

Но Василисы на него только махнули: помолчи.

— Без тебя он пропадет, без меня несчастен будет, — пригорюнилась Василиса Прекрасная. — Что же делать?

Правду сказать, Прекрасной она уже больше не была. Просто красивой. Часть лепоты Кощей-то все же слизнул. Но такой Василиса Елисеевна Иванушке еще больше нравилась.

У Кощея, перед смертью неминуемой, он не заплакал, а тут слезы из ясных очей сами полились.

— Что же это, говорит, с одной из вас мне расставаться? А вот, батюшка из книжки чёл, будто есть такая арапская земля, где у человека может быть не одна жена, а больше.

— Это и у нас, на Том Свете, заведено, — отвечает Василиса Красивая. — Бывает муж с несколькими женами, бывает и наоборот — кто как срядится. Да только не уживемся мы с Василисой Патрике-

евной под одной крышею. Я буду ее уму завидовать, она моей красе. А промеж нас, двух злыдней, ты окажешься. На тебя и шишки посыпятся.

Замолчали все. Иванушка с Василисой Елисейевой просто стояли, кручинились, а Василиса Премудрая свой умный лоб морщила.

Думала она думала и придумала.

— Мы вот что сделаем. Есть у нас в стольном городе еще и третья Василиса. Василиса Предобрая. Покажем ей Иванушку, она в него влюбится (как в такого не влюбиться?), да позовем ее третьей женой. Василиса Предобрая нас научит жить в любви, мире и согласии.

А на Иванушку, когда он хотел слово молвить, прикрикнула:

— Не встревай! Тебе же лучше будет!

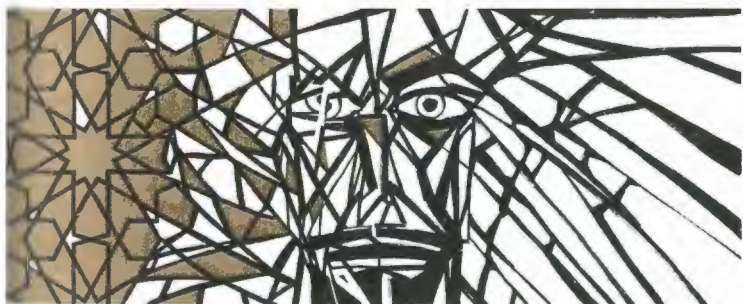
*Но про то, как люди с тремя женами живут,
это уже совсем другая сказка. Арабская.*

Счастье Бахтияра

— ■ —
*Арабская
сказка*

ошло до нашего сведения — а уж правда ль оно, ведает один Аллах, — что во времена пресветлого халифа аль-Мамуна жил в Багдаде некий купец по имени Бахтияр, что означает «Счастливы́й». От рождения он так звался, или же получил прозвание по своим делам, нам неведомо, но Бахтияру всегда и во всем сопутствовала удача. Что ж, он был человек достойный. В торговле честный, в молитве прилежный, нравом благородный.

Бахтияр водил морские караваны в аль-Хиджас и аль-Йемен, вез туда шелка и благовония, обратно доставлял тонконогих скакунов и охотничьих соколов, и корабли его никогда не тонули, а путешествия были прибыльны.

Купцу нравилось странствовать, но еще больше он любил бывать дома и всегда спешил туда вернуться. Манили его не мягкие ковры и не парчовые диваны, имевшиеся там в изобилии, а лю-

бовь трех заботливых жен, которые чтили своего супруга и дарили ему всяческие наслаждения. Старшая была рачительной хозяйкой, средняя пленяла грацией, младшая умела вести занимательные беседы. Бывало лежит Бахтияр в тенистом саду близ звонкоструйного фонтана, курит кальян, а одна жена лакомит его рассыпчатой халвой и янтарным хорасанским изюмом, другая тихо наигрывает на лютне, третья рассказывает старые сказки и новые сплетни. Чего еще, казалось бы, и желать? Но так уж устроен человек, что и самая сладкая халва ему рано или поздно наскучит.

Оттого, понаслаждавшись домашней негой, купец всякий раз затевал новое путешествие, хоть уже нажитого добра ему хватило бы на десять жизней. Из своего семейного рая уплывал Бахтияр в дальние моря, а там снова начинал скучать по дому и торопился обратно. Так год за годом и жил, чередуя странствия с отдыхом и приключения с покоем. Все вокруг завидовали купцу, говорили, что это и есть истинное счастье. Но кому что на самом деле нужно и чье сердце чем успокоится, да и надо ли ему успокаиваться — это ведомо лишь Аллаху.

По всему следовало Бахтияру провести свой век в довольстве, благополучно состариться и мирно переселиться из одного хорошего дома в Иной,

тысячекратно Лучший, но однажды вечером у купца в опочивальне само собой, ни с того, ни с сего, расколосось зеркало, да не когда-нибудь а в первый день великого поста Рамадана. Предзнаменование это из самых худших, сулит оно черный поворот в судьбе, а если случайно увидеть в осколках свое отражение, то и лихую погибель. Надо ж такому случиться, что, когда зеркало треснуло, хозяин как раз собирался брить голову и поневоле увидел собственное лицо будто раздробленным. Он, конечно, быстро отворотился, но на душе стало тревожно.

В подобном деле самое безрассудное — лечь спать в комнате, где произошло такое нехорошее событие. Можно и не проснуться.

Потому Бахтияр запахнулся в плащ и вышел на улицу. Пускай шайтан, если это его происки, убежится из дома.

Купец брел бесцельно, куда глаза глядят, размышлял о странном происшествии, и сам не заметил, как очутился около городского кладбища. В этот поздний час вокруг никого не было.

Здесь явился второй знак, не лучше первого. Из-за каменной стены Города Мертвых заухла сова. Известно к чему они кричат, совы. А больше всего Бахтияра встревожило, что Багдад — не лес и не болото, и сове тут взяться неоткуда, ежели это не проделки скверной силы.

«Пойду-ка я лучше домой, — подумал купец. — Переночевать можно и не в своей опочивальне, а у какой-нибудь из жен».

Но тут было ему и третье знамение — всяк знает, что нечистые наважденья ходят троицей, которой поклоняются неверные. Под ногами у Бахтияра будто сгустилась тьма, сделалась чернее ночи и шуршащим комком метнулась через улицу.

Миг спустя купец увидел, что это черная кошка. Ох, быть беде.

Повернулся он, пошел от кладбища прочь, повернул за угол — и чуть не столкнулся с женщиной.

Она была закутана в черное до самых глаз. В лунном свете они казались огромными, как у газели, и сияющими, как звезды. Никогда еще Бахтияр не видел таких глаз ни у одной женщины. Смотрел бы в них и смотрел.

— Храбр ли ты, незнакомец? — спросила черная женщина звенящим голосом. — Если нет — ступай своей дорогой.

— Да уж не трус, — отвечал Бахтияр, как на его месте сказали бы девять мужчин из десяти, потому что умным Аллах делает лишь каждого десятого, а больше и незачем.

Впрочем, храбрости Бахтияру и вправду было не занимать. Трусливые купцами-мореходами не становятся.

— Тогда спаси меня! — взмолилась газелеокая женщина. — Меня преследует заклятый враг. Он всюду меня выслеживает, хочет убить! Я чувствую, он близко!

И поведала такую историю.

Вышла она замуж за человека, который ее долгое время любил, а потом вдруг люто возненавидел — не иначе, в него вселился злой джинн и помрачил ему разум. Дважды муж кидался на нее с ножом, и в первый раз спасло ее только чудо. Пришлось ей бежать из собственного дома — свидетелей ведь не было, никто бы бедной женщине не поверил. Но во второй раз помешанный, отыскав беглянку, попытался зарезать её уже среди бела дня, на улице. Еле его оттащили. Поскольку кровь не пролилась, никакого наказания безумцу не было, но судья, хвала его справедливости, объявил брак расторгнутым, а женщину свободной.

— Но все одно нет мне покоя, — говорила разведенная жена, плача сильным плачем. — Я перебегаю с места на место, таюсь, но одержимый всюду меня находит. Обернусь — вижу в толпе его горящие злобой глаза. Или в окне вдруг мелькнет его перекошенное лицо. И я снова бегу, бегу... Нынче вечером, на закате, около мечети, я снова его повстречала. Он сидел среди нищих, переодетый дервишем, щерил зубы. Я бросилась оттуда, сама не

знаю куда. К себе возвращаться боюсь. Бреду по пустым улицам, оглядываюсь. Всё кажется, что сзади крадется он...

Она дернулась, оборотясь назад. От резкого движения никак приспустился с ее головы, и Бахтияр на миг увидел лицо. Омытое луной, оно было светлей и прекрасней небесного светила. Слушая странный рассказ, купец думал, не помрачил ли шайтан женщине дух, так что ей мерещится небыльщина и заставляет страшиться собственной тени. Но теперь, пораженный такой красотой, не то чтоб поверил плачущей, но сделалось ему все равно, правду она говорит или бредит.

Женщина смущенно поправила свой головной убор, а Бахтияр подумал: как бы еще разок, хоть краешком ока, увидеть ее несравненные черты.

— Ничего не бойся, — сказал он. — Я отведу тебя в безопасное место. Никакого харама и бесчестья тебе от этого не будет. Человек я семейный, и в моем доме есть женская половина. Скажи только, как тебя зовут?

— Вахида, — отвечала женщина. Имя это означает «Единственная».

Сколько Бахтияр ее ни успокаивал, по дороге Вахида всё оглядывалась. И когда они достигли оживленных кварталов, страх только усилился.

— Как выглядит твой враг? — спросил купец. — Я тоже буду начеку.

Женщина с содроганием сказала:

— У него молодое лицо и седая, как хлопок, борода, а глаза сверкают, словно расплавленное железо. Это глаза не человека, а джина, поселившегося в человеческом теле!

— Забудь о нем, — ласково молвил Бахтияр, стуча в кованые ворота. — Вот мы и пришли. Здесь тебя никто не обидит.

И с того дня дом купца будто осветился волшебным сияньем. Когда в небе восходит полная луна, звезды меркнут. Так же потускнели и жены Бахтияра. Ему стал докучен их вид и скучен их голос. Стоило рядом появиться Вахиде, и хозяин смотрел только на нее, не мог отвести взгляда.

За высокими стенами и крепкими засовами Вахида совершенно переменилась. Не вздрагивала от шума, не оглядывалась назад. Нет, она не была скорбна духом. Теперь она часто смеялась, и звук этот был сладостней звона дамаских колокольчиков. Бывало, что и пела — и тогда в саду примолкали устыженные птицы.

Бахтияру пора было отправляться в плаванье, уж и корабль был нагружен, а купец всё медлил.

Дождавшись, когда закончится Рамадан, в который мужчинам нельзя помышлять о женщинах, Бахтияр сделал то, что давно уж замыслил.

— Закон веры дозволяет правоверному иметь четыре жены, а у меня их только три. Не угодно ль тебе, луноликая, быть в моем доме не гостьей, но одной из хозяек? — спросил он и тут же прибавил, потому что был человеком благородным: — Но если я тебе недостаточно приятен, не бойся мне отказать. Я буду рад иметь тебя и гостьей.

— Ты мне более чем приятен, — ответила красавица, не чинясь. — Я полюбила тебя всей душой. Смотрю на тебя и думаю: зачем на свете столько мужчин? Мне довольно его одного.

От радости у Бахтияра перед глазами будто загорелась радуга. Но прежде, чем он успел возблагодарить Всевышнего, Вахида сказала:

— Но я стану твоей женой, только если и ты откажешься от всех остальных женщин. Мое имя ведь значит «Единственная». Или я буду единственной твоей супругой, или сегодня же навсегда уйду, чтобы не мучить тебя и себя.

Так и вышло, что у Бахтияра вместо трех жен появилась одна. Прежним он объявил талáк, трижды три раза прокричав при свидетелях «Даю тебе развод!». Отринутые женщины покинули дом, жалобно причитая о своей судьбе, но утешаясь тем,

что каждая получила щедрое содержание и забрала с собой рожденных ею детей.

Молодожены остались в доме вдвоем, и о том, как они зажили, не поведать ни в какой сказке — для того пригодны только стихи. О счастье подобной любви, отгороженной от всего мира, лучше всех написал великий Саади:

Мы в весеннем саду поселились отныне,
И пусть мир прозябает в кромешной пустыне.

Дни влюбленных были прохладны, а ночи жарки. Бахтияр был до того счастлив, что ему жалко было терять время на сон и он почти не спал. От этого щеки его ввалились, глаза запали, но обитатель райского сада этой перемены не видел, потому что новая хозяйка разбила все зеркала. Их в доме было много, но все треснувшие и закрытые занавесками. Вахида не боялась плохих примет. Ей нравилось смотреться на себя так, чтобы видеть сразу несколько своих лиц, отражающихся в каждом из осколков. Бахтияр же в расколотые зеркала глядеться не хотел, и оттого не мог даже побрить себе голову иль подровнять бороду. Слуг счастливые супруги в дом не пускали, потому что желали видеть только лица друг друга.

Однако несколько недель спустя, когда темя Бахтияра заросло нечестивой щетиной, а борода

закосматилась, пришлось ему все же выйти в город, к цирюльнику.

Там купец впервые за долгое время увидел себя в зеркале — и вздрогнул. Его поразила не худоба собственного лица, а то, что борода стала наполовину седой, хотя Бахтияру еще не было и тридцати!

Испугавшись, что покажется жене слишком старым, купец велел цирюльнику окрасить бороду красной хной, и больше думать о том не стал. Но когда он вышел на площадь, к нему приблизился какой-то человек. Лицо его было молодо, но борода белела, словно хлопок, а глаза сверкали наподобие расплавленного железа.

— Я долго тебя караулил, Бахтияр. Ждал, когда ты выйдешь из дома и посмотришь на себя в зеркало, — сказал человек. — Если тебе дорога жизнь, послушай мою повесть.

И повел такую речь.

«Зовут меня Омар Ибн-Хатиб, я отпрыск почетного рода — отец мой факих, ученый правовед. К тому же занятию с отрочества готовили и меня. Я читал своды законов, переписывал их для

памяти на длинные свитки, выучил наизусть тысячу хадисов. Дух мой был покоен и праведен. И вот родитель приобрел мне хорошее место в суде, подыскал добродетельную невесту, и я зажил собственным домом, вознося хвалы Всевышнему. Но однажды, проходя ночной порой мимо кладбища Аш-Шариф, я повстречал прекрасную девушку, заливающуюся слезами, и с той минуты моя жизнь уже не была прежней...»

Тут Бахтияр, вначале слушавший рассказ с враждебностью и недоверием, затрепетал.

Омар же продолжил:

«Проникшись участием к горю незнакомки, я привел ее к себе домой, дал кров и приют, а дальше случилось то, что не могло не случиться. Она овладела моим сердцем и приручила мой рассудок, как дрессировщик приручает льва. Я стал воском в ее руках. И когда она сказала, что желает быть моей единственной женой...»

— Ты развелся с прежней? — пробормотал Бахтияр, бледнея. — Говори скорей, что было потом!

«Слушай же. Сначала я был очень счастлив. Я несказанно любил ее, и, готов поклясться, она тоже меня любила. Так я, во всяком случае, думал... У моей любимой жены была только одна странность. Она завесила все зеркала и взяла с меня клятву, что я никогда не буду в них заглядыв-

вать — ей-де привиделся сон, что это принесет нам обоим беду. Я послушался, я с радостью исполнял любые ее прихоти. Но в прошлом году произошло землетрясение — то самое, когда развалилась мечеть Абу-Бакра, помнишь? Мой дом, благодарение Аллаху, устоял, но во время тряски прямо к моим ногам со стены упало одно из завешенных зеркал и я — не намеренно, случайно — увидел в осколке свое отражение. Моя борода была седа, как у шестидесятилетнего старика! И я очнулся! Глаза мои открылись! Я понял, что моя жена — моя погибель».

— Из-за поседевшей бороды? — удивился Бахтияр. — Моя борода тоже наполовину побелела. Если такова плата за великое счастье, то пускай. Должно быть, за сорок дней я получил его столько, сколько другие за сорок лет. А дальнейшее я знаю, можешь не рассказывать. Ты сошел с ума и захотел убить Вахиду. Ты и сейчас безумен. Мне тебя жаль.

«Это ты безумец! — закричал Омар. — Безумец и невежда! Ты выкрасил бороду хной, но судьбу ты этим не обманешь! Не седины я испугался, нет. Я вспомнил, как в годы учения прочел одну историю в старинной книге. Она называется «Сказания о происках джиннов». В книге говорится: «Всем известно, что джины, незримо населяю-

щие землю и небо, столь же разнообразны, как люди. Среди сих волшебных духов, возникающих из чистого, бездымного пламени, тоже встречаются злые и добрые, умные и глупые, благородные и низкие. Иные ученые суфии даже утверждают, что у джинна есть душа, но движения ее причудливы и нашему разуму невняты. Самыми страшными считаются свирепые джинны-ифриты, способные вырвать у человека сердце своей огненной десницей, но для мужчины еще опасней встреча с гуль, джинном женского пола. Гуль не вырывает своей жертве сердце, а проникает в него, и неизвестно, что хуже: мгновенная смерть от руки ифрита или медленная мука отравленного сердца». В книге также содержится правдивый рассказ про гуль, которая в давние времена сгубила своей любовью доблестного витязя Шарафа бен-Салаха. Богатырь, поднимавший палицу весом в двести мударов, истаял за семью семь дней. Его черная, как смоль, борода побелела, румяные, как яблоки, щеки, сделались цвета пепла, могучие руки высохли ветками, и Шараф бен-Салах умер. Гуль похоронила его и потом бродила около кладбища, пока не нашла новую жертву. Устрашенный, стал я рыться в других книгах, чтобы узнать, можно ли спастись человеку, попавшему в сети к женщине-джинну, и нашел ответ. Надо закалить булатный кинжал на огне смоковни-

цы, читая заветную сунну, и потом поразить дьяволицу в самое сердце недрожащей рукой. Джинны ведь смертны, подобно нам, людям. Всѣ я исполнил, как следовало, но в момент удара рука моя дрогнула, потому что я заглянул жене в глаза и потерял половину силы. Гуль убежала от меня... Я знал, что должен отыскать ее и довершить начатое, иначе она будет и дальше изводить людей. Я выследил ее, но опять сплеховал. И теперь всѣ, что я мог — повсюду следовать за ненасытной тварью, чтобы предостеречь следующего, кого она зачарует. Но отныне я свободен. Я свой долг исполнил. Этот кинжал — твой. Поступай с ним и со своей судьбой, как захочешь».

Потрясенный Бахтияр воскликнул:

— А почему ты больше не хочешь ее убивать?!

«Убить гуль может только тот, чьей супругой она является перед Аллахом. Я муж разведенный. Теперь жизнь джинна в твоих руках».

С этими словами он положил перед купцом оружие и удалился.

Бахтияр же посмотрел на кинжал и горестно зарыдал.

Колдовская любовь вышла из его сердца, и оно опустело.

Домой он вернулся нескоро, мрачный, и встал перед женой суровый, словно морской утес.

— Я знаю, кто ты. Ты — гуль. Ты меня обманывала. Омар Ибн-Хатиб мне всё рассказал.

Вахида не побледнела, не задрожала.

— В чем я тебя обманывала? — сказала она. — Сколько раз ты сам повторял, что я не похожа на обычных смертных женщин. Разве я с этим спорила? Да, я гуль. Я живу любовью. Она так сильна, что испепеляет всякого, кто мне люб. Огонь — он такой. Что ты прячешь за пазухой? Заговоренный кинжал? Вот тебе моя грудь, бей. Только не исподтишка, как Омар, а глядя мне в глаза.

И посмотрел Бахтияр в ее огромные черные глаза, и пустое его сердце наполнилось вновь. Словно в пересохший, растрескавшийся от зноя арык хлынула свежая вода.

Купец вынул кинжал, швырнул его на пол.

— Будем жить, как жили, — сказал он. — Столько, на сколько хватит моей жизни. А седеющую бороду я буду красить хной, чтобы ты не расстраивалась, видя, как я сгораю.

И они пали друг другу в объятия и были счастливы пуще прежнего, и длилось это блаженство весь остаток дня и всю ночь. Перед рассветом Бахтияр уснул, и ему снился чистый пламень, из которого рождаются джины.

Когда же Бахтияр проснулся, Вахиды рядом не было. Он обошел комнаты и сад, но нигде ее не нашел.

А потом вдруг заметил, что все зеркала снова целы. И на одном — том, перед которым Вахида по утрам делала свое прекрасное лицо еще более ослепительным — черной сурьмой выведено: «Прощай навсегда. Я слишком люблю тебя».

И больше Бахтияр никогда свою гуль не видел, хотя искал ее повсюду от Хинда до Аль-Андалуса и от Адины до Самарканда — во всех землях, где только водятся джинны. Чем белее становилась борода странника, тем больше тосковал он о недогревшей любви. Тысячу раз подвергался смертельной опасности, но неизменно выходил сухим из воды и неопаленным из огня, будто его оберегала некая волшебная сила.

Бахтияр дожил до преклонных лет, но все дни его были неутешительны и не утоляли жажды, как опресненная вода, которую пьют мореходы в дальнем плавании. Вкусив запретного хмельного напитка, старик говорил, что не задумываясь отдал бы все эти годы за семью семь дней счастья.

Великий Саади задается вопросом, на который не знает ответа:

Как отыскать такое счастье,
Чтоб длилось долго и пылало
Невыгорающим огнем,
Неосушаемою чашей?

*Впрочем, любовь на свете бывает разная.
Иной раз такая, что все вокруг диву даются.
Любовь сама себе хозяйка — хоть в Аравии,
хоть в Испании.*

Кастильо де Ратас

— ■ —
*Испанская
сказка*

ила-была на свете одна девушка с очень добрым сердцем. При рождении ее окрестили Бланкой, но все звали ее Бланда, что значит «Мягкая». У обычных людей сердца твердые, как железо, а у некоторых даже как толедская сталь, у Бланды же оно было мягкое, как золото. Ей было жалко всех — даже тех, кого никто на свете не жалеет.

Родители никогда не давали дочке денег — всё раздаст нищим. Красивых вещей тоже не покупали — раздарит подружкам. В комнате у нее вечно жила какая-нибудь птица со сломанным крылом или брошенные матерью бельчата. Батюшка с матушкой ворчали, но терпели, потому что птицы, вылечившись, улетали, а бельчата подрастали и убегали. Однако настал день, когда родительское терпение закончилось.

В городе травили крыс и мышей, повсюду валялись мертвые грызуны. И что вы думаете? Бланда подобрала издыхающего, но еще живого крысенка,

принесла домой и стала отпаивать целебными травами. Отец с матерью закричали: «Немедленно выкинь эту пакость!»

«Как я ее выкину? Она же болеет».

Но они ни в какую: «Под нашей крышей не место мерзкой твари! Выбирай: или крыса, или мы!».

Бланда заплакала. «Я бы, говорит, конечно, выбрала вас, дорогие батюшка и матушка, ведь вы мои родители, но вы сильные и здоровые, вы без меня не пропадете, а она маленькая и беззащитная. Без меня она погибнет».

Взяла крысенка и ушла.

Отец с матерью думали, дочка проголодается, замерзнет и вернется. Будет ей урок на будущее, кого можно жалеть, а кого нельзя.

Но Бланда не вернулась. Кроме золотого сердца у нее еще были золотые руки. Она стала зарабатывать на жизнь плетением кружев. За ее гипюровые воротники, воздушные скатерти и ажурные мантильи заказчики платили хорошие деньги, и мастерица ни в чем не нуждалась. Она сняла маленький дом на окраине и жила там вдвоем с крысенком, который оказался крысенкой — девочкой. Бланда вкусно кормила свою Ратиту, играла с нею, пела ей песенки и даже рассказывала сказки, чесала ей гребешком шерстку, а для длинного голого хвоста, чтоб не замерзал зимой, сшила узорчатый чехольчик.

От такой славной жизни Ратита сделалась гладкой и красивой — насколько бывают красивыми

крысы. День ото дня она становилась всё больше. Обычно крысы вырастают лишь размером с башмак. Но это потому что они питаются всякой дрянью и потому что их никто не любит. Когда со всех сторон только вражда и ненависть, всякий сожмется, чтоб привлечь к себе поменьше внимания.

Эта же крыса жила в любви, сытости и довольстве. Бланда называла ее «эрманита», «сестренка». В три месяца Ратита-эрманита была величиной с кошку, в год — с овечку, а перестала расти только к трем годам, когда стала крупнее своей старшей сестры. Она с удовольствием катала Бланду на себе верхом, и издали казалось, что девушка едет на сером упитанном ослике или на маленьком коротконогом пони.

Все соседи привыкли к Ратите, полюбили ее за добрый нрав, а некоторые тоже завели себе домашних крыс, но ни одна из них не выросла такой большущей. На свете ведь мало людей, от любви которых вырастаешь больше, чем тебе предназначено природой.

Как известно, крысы очень умные. Ратита же была не только в двадцать раз крупнее обычной крысы, но и во столько же раз умнее, а это значит, что она была и умнее большинства людей.

Например, она отлично понимала кастильскую речь и даже могла изъясняться на ней сама, но у крыс вытянутая мордочка и мелкие зубы, поэтому Ратита ужасно шепелявила и присвистывала. Понимала ее только сестра. Бланда тоже выучилась

пищать по-крысиному. Прохладными вечерами, сидя в патио, они беседовали обо всем на свете, причем из благовоспитанности каждая старалась говорить на языке другой. «Фафие яфкие фэфовня фвёвды! (Какие яркие сегодня звезды!)», — восхищалась младшая сестра. «Пи-пии-пи-пи, — отвечала старшая. — И не говори!».

Жили они себе поживали, и было им хорошо. Но долго жить хорошо можно только в настоящей жизни, а для сказки это беда, она быстро увянет. Поэтому испанцы, когда рассердятся на кого-нибудь, в сердцах говорят: «Чтоб тебе жилось, как в сказке!».

Поскольку Бланда с Ратитой родились в сказке, не обошла беда и наших сестер.

Весь тот край принадлежал знатному сеньору, которого люди звали маркиз Нариз, маркиз Нос, потому что у него не было носа.

Это очень грустная история. Он родился в семье обнищавшего идадьго. Однажды в кроватку к младенцу забралась злая крыса (есть, увы и такие — как впрочем бывают и злые люди) и начисто отгрызла крошке носик. Из-за своего безобразия, или, может быть из-за того, что крыса была злая, а злоба зараз

ней чумы, мальчик тоже вырос злющим. Свою лю-
тость он срывал на врагах и со временем стал вели-
ким воином. За это король, храни его Господь, по-
жаловал храбрецу громкий титул и богатые земли.

Пока сеньор Нариз был беден, он носил на лице
железный колпачок, потом заменил его серебря-
ным, а достигнув высоких степеней, выковал себе
золотой орлиный клюв. И видом, и нравом маркиз
был до того грозен, что все боялись его до дрожи.
Даже король, храни его Господь, во время аудиен-
ций ерзал на своем троне.

Маркиз Нариз очень мало кого любил и очень
многих ненавидел, а больше всего ненавидел крыс,
понятно почему. Как где увидит серого зверька —
прямо судороги. Гонялся за ними со шпагой, палил
из мушкетона, а за каждого дохлого грызуна мар-
кизов управляющий платил по медному мараведи.
Серые трупики в замок несли со всех сторон. За-
велись даже мерзавцы, которые устроили из этого
прибыльный промысел: разводили у себя крыс, по-
том убивали бедняжек и привозили целыми теле-
жками. Можно не сомневаться, что на том свете
этих негодяев ожидает заслуженная кара — адские
крысы сполна с ними за всё рассчитаются.

Мы сказали, что Нариз очень мало кого любил,
но это еще преувеличение. Он любил только одно
существо, своего сына. На всем свете лишь малень-
кий маркезино не боялся Безносого.

Мальчик рос без матери. Покойная маркиза рано умерла — не от какой-нибудь болезни, а зачахла от страха. Очень уж трепетала гневливого мужа. Но жестокосердный Нариз был нежнейшим отцом, он души не чаял в своем отпрыске.

Ни в чем не ведая отказа, маркезино рос ужасно избалованным и капризным. Он питался только заморским лакомством «шоколате», каждый день требовал новых игрушек, вечером ложился спать когда пожелает и ни разу не пробудился раньше полудня — был уверен, что солнце прямо с утра уже сияет в зените.

Однажды осенью по горной дороге ехала длинная кавалькада из карет и повозок, это маркиз с сыном переезжали из летнего замка в зимний, приморский.

Маленький маркезино позевывал, смотрел в окно экипажа на встречных крестьян — все они низко кланялись, а верховые почтительно спешили. Вдруг мальчик восторженно вскрикнул. Он увидел девушку и рядом с ней толстого остромордого серого осла, который, если приглядеться, был совсем не осел.

Надменный сеньор Нариз, ехавший впереди всех и вокруг не глядевший, в ту сторону даже не взглянул.

«Это не осел! Это мыша! — заорал маркезино. — Какая здоровущая! Хочу мышпу! Хочу мышпу!»

Слуги забегали, засуетились — все желания барчука должны были немедленно исполняться.

Управляющий подозвал девушку, спросил, сколько она хочет за своего перекормленного осла, похожего на мышь.

«Нисколько, сударь, — отвечала Бланда. — Моя Ратита не продается».

Мальчишка поднял такой рев, что прискакал отец.

«Что значит “не продается”? — сказал он, выслушав управляющего, но так и не удостоив Бланду с Ратитой взглядом. — Какие глупости. Дайте девочке за осла сто золотых дукатов, и дело с концом».

«Со всем почтением, сеньор, продать Ратиту я не могу. Она мне как сестра», — поклонилась Бланда.

Удивившись, что у осла такое имя (ведь «Ратита» значит «Крыска»), Нариз наконец посмотрел сверху вниз — и весь затрясся.

«Это крыса! — возопил маркиз. — Огромная крыса! Какая мерзость!»

Он схватился за шпагу, чтобы немедленно убить ненавистное животное, но сын закричал пуще прежнего: «Хочу мышпу! Хочу-хочу-хочу!».

Ненависть очень сильное чувство, но любовь еще сильнее. Маркиз отвернулся, чтобы не видеть

Ратиту, и велел управляющему: «Раз дурочка не отдает гнусную тварь добром, заберите силой. Заприте крысу в такое место, чтобы она никогда не попалась мне на глаза. Ты доволен, мое солнышко?».

А потом очень тихо прибавил: «Как только малыш наиграется и забудет про свою причуду, крысу немедленно отравить и закопать поглубже. Фу, какая гадость!».

Бланда обхватила свою серую сестренку и ни за что не хотела ее отпускать, даже пыталась драться, но добрые девушки драться совсем не умеют, и слуги легко отшвырнули плачущую хозяйку. Ратита сказала ей: «Пи-пии-пиипи-пипииии». Это значило: «Не плачь. Скоро я маленькому паршивцу надоем, и меня отпустят». Она ведь не слышала, что маркиз прошептал управляющему.

Оба — и сеньор Нос, и Ратита — угадали верно, потому что маркиз хорошо знал своего сына, а крыса была умна.

Сначала мальчишка не вылезал из подвала, куда заперли пленницу. То корчил рожи и дразнился, то пробовал кормить ее сыром, но Ратита на гримасы не обращала внимания, а сыр не брала, потому что сызмальства его не любила. Глубокое заблуждение,

что все грызуны обожают сыр. Мыши, например, лезут в мышеловку вовсе не за сыром, а за его корочкой — вот она действительно вкусная. Но Ратита, будучи крысой благовоспитанной, не ела даже сырных корочек.

Через день-другой сорванцу наскучила такая неподатливая игрушка. К тому же из ближнего морского порта привезли бразильскую мартышку, и маркизино увлекся новой забавой.

Тогда управляющий, следуя приказу господина, велел дать крысе отравленного молока. Но Ратита слышала, как слуги переговариваются между собой, и, когда они ушли, вылила молоко на землю. То же она сделала и на второй день, и на третий.

Управляющий был очень удивлен. Пришел к маркизу и говорит: «Эта крыса не простая. Мы три разных яда попробовали, ни один ее не берет».

«Ну, так не кормите ее вообще, — приказал Нариз. — Пускай сдохнет от голода. И не смей мне больше напоминать об этой жути, она мне уже ночью снится».

Управляющий больше о крысе с маркизом не заговаривал, чтоб не расстраивать его сиятельство, а между тем в замке становилось тревожно. Неделя шла за неделей, пленнице не давали ни крошки еды, ни капли питья, но она и не думала умирать, а наоборот, делалась всё толще. Слуги стали шептаться, что крыса волшебная. Может быть, это даже какая-нибудь важная особа, заколдованная злым чароде-

ем, и поэтому лучше обращаться с ней поучительней — мало ли как оно потом обернется.

Больше всего об этом говорила новенькая горничная, недавно поступившая в услужение. Она держалась с загадочной крысой очень почтительно, низко кланялась ей и по собственной воле ежедневно подметала клетку.

Как вы уже догадались, то была Бланда. Она перекрасила волосы, нарисовала на щеке родинку, и управляющий хозяйку крысы не признал. Он ведь тоже был важный сеньор, почти как его господин, и считал ниже своего достоинства присматриваться к каким-то там простолюдинкам.

Ратита не умирала, а толстела, потому что сестра тайком носила ей пищу. Ну и, конечно, из-за того, что мало двигалась. От такой жизни всякий растолстеет.

По ночам они сидели рядом и шептались. Сначала вдвоем, потом вокруг стали собираться местные крысы. Они относились к Ратите с большим почтением, потому что она была такая большая и умная. Рассказывали ей, как плохо им живется во владениях ужасного маркиза, как все их преследуют и изничтожают. Добрая Бланда обливалась слезами от жалости. Но еще жалейей ей было эрманиту.

«Что же нам делать! — причитала Бланда. — Рано или поздно сеньор Нариз узнает, что ты все еще жива. Тогда он возьмет свой мушкетон и застрелит тебя!»

«Фе фафь, — утешала ее Ратита. — Я фофи-фуфь фифуфаю».

И придумала.

«Достань мне бумагу, перо и чернила, — записала она по-крысиному — так ей было легче. — И еще...» Тут она перешла на шепот, потому что сидевшие вокруг крысы навестили свои острые ушки, а лишнего им знать не полагалось.

Крысы, как и мыши, славятся своей болтливостью. Если бы люди знали, что каждое сказанное ими слово подслушивают из щелей маленькие подпольные обитатели и потом шушукаются об этом в своих норах, многие научились бы держать язык за зубами.

Назавтра маркизу сообщили, что уже миновал полдень, а сын все не выходит из своей спальни. Слугам без разрешения входить туда строжайше воспрещалось.

Нариз заглянул в дверь, ласково позвал: «Сыночек, ты еще спишь?».

Ответа не было. Тогда Нос подошел к кровати, приподнял одеяло — и заорал от ужаса и отвращения.

На простыне сидела крыса. В одной лапке она держала ночной чепец мальчика, другой протягивала лист бумаги.

Сам не свой от потрясения, Маркиз схватил записку.

Руки доблестного военачальника так тряслись, что он не сразу смог прочесть написанное, а когда прочитал, затрясся еще больше.

Письмо было такое.

«Я — донья Гризельда де Труэно-и-Релáмпаго, великая герцогиня подземных чародеев. Еще более великий чародей, Имя Которого Даже Нельзя Называть, рассердился на меня и превратил в крысу. Но это не значит, что со мной можно обращаться непочтительно. Как смеешь ты, всего лишь маркиз, так поступать с герцогиней? Или ты думаешь, что, став крысой, я разучилась колдовать? Сначала твои слуги пытались меня отравить, потом заморить голодом. В наказание я забираю твоего сына в мое подземное герцогство. Хочешь получить мальчишку обратно — немедленно убирайся из этого замка и поклянись, что больше никогда сюда не вернешься. Замок отныне мой. Дай ответ моему посланцу дону Крысылесу немедленно: да или нет?»

Нариз никогда не отступал перед врагами, не проиграл ни одной битвы, а тут и не подумал противиться.

«Да, да, да! — закричал он крысе, да еще и поклонился. — Передайте вашей госпоже, кабальеро,

что я ничего не пожалею ради сына! Клянусь, я сей же миг уеду и никогда сюда не вернусь, только отдайте моего мальчика!»

Да, его сиятельство был очень плохой человек, но превосходный отец — такое бывает. Впрочем, как и наоборот.

Маркиз кликнул слуг и велел срочно седлать коней. Поспешил прочь из замка, не взяв с собой никакого добра.

Отъехав совсем недалеко, он повстречал сына, живого и здорового.

«Батюшка, батюшка, где я был! Что я видел! Вы никогда не поверите!».

Нариз прижал его к груди.

«Я знаю, где ты был, мой бедный малютка. Ты наверно очень испугался?».

«Ничего я не испугался! Я видел, как из-под земли выползает солнце. Оно красное, представляете, батюшка? Это очень красиво!».

И поведал, что служанка по имени Бланда разбудила его ночью и сказала: идем скорей, я покажу тебе чудо. Отвела его на гору, и он увидел сначала, как с восточной стороны поднимается алый круг, а потом с западной стороны загорается море. Мы ведь уже говорили, что мальчуган во всю свою жизнь не просыпался раньше полудня и никогда не видел восхода.

Маркиз, конечно, понял, что его надули, но своей клятвы не нарушил. Во-первых, он был несказанно рад получить назад сына. А во-вторых, это был хоть и злодей, но настоящий кабальеро, человек чести.

Ратита и Бланда зажили в превосходном замке, он теперь принадлежал им. Прислуживали им тамошние крысы, которые от спокойной жизни расплодились и преумножились.

Окрестные жители прозвали поместье Кастильо де Ратас, Крысиным Замком и сначала держались от этого странного места подальше, но потом привыкли к таким соседям и установили с ними самые добрые отношения, потому что крысы, если их не обижать, весьма обходительные и деликатные существа.

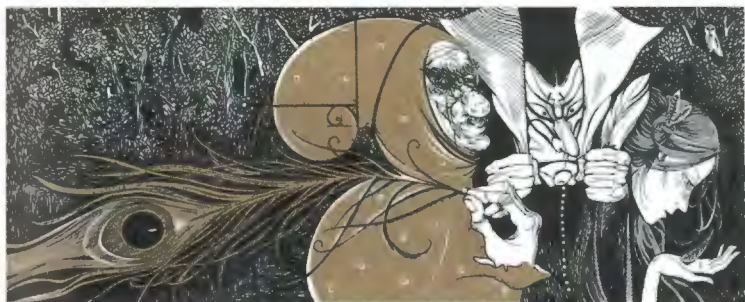
Знаменитый флотоводец, победитель неверных и еретиков, дон Альваро де Базан, например, говорил: «По мне лучше иметь дело с крысами, чем с англичанами». Хотя, может быть, великий адмирал просто никогда не слышал английских сказок.

Три феи
—■—
*Английская
сказка*

Ах, если б у тетушки Бетти
Рождались нормальные дети,
И не тысяча в год,
А хотя бы пятьсот.
То-то славно жилось бы на свете!

стародавние времена, когда Англия состояла из множества маленьких стран, в одной из них, самой славной и богатой, ожидалось радостное событие. В королевском семействе должен был появиться первенец. Живот ее величества день ото дня становился всё больше и наконец сделался столь велик, что все заговорили: родится богатырь, новый Ланселот или Артур, и наконец объединит Британию в единую державу.

Желая будущему ребенку счастливой судьбы, отец с матерью призвали трех великих фей — Формозу, Сапиенцию и Беневолису. Они ведали всякая

своим благом. Формоза одаряла красотой, Сапиенция умом, а Беневолиса добротой. При этом фея красоты была неописуемо уродлива, фея ума донельзя глупа, а фея добра злыдня злыдней, но лишь потому что они были очень честные феи. Из дара, которым владела каждая, они ничего не оставляли себе, а всё до капельки передавали своим избранныкам. За это люди относились к волшебницам с глубочайшим почтением.

И вот, в час, когда королева готовилась разрешиться от бремени, три феи сели у порога августейшей опочивальни, чтобы облагодетельствовать новорожденного. У Формозы в руке было прекрасное павлинье перо, у Сапиенции серое перо мудрой совы, а у Беневолисы белое перышко ангела. Из-за двери неслись крики роженицы, а кудесницы шепотом спорили, какая из них первая осенит августейшего младенца своим невестомым прикосновением. Больше всех горячилась злющая фея доброты. «Чтоб вам повылазило! — шипела она. — Моя доброта важнее ваших красоты и ума!». Остальные с ней не соглашались.

В конце концов, порешили кинуть жребий, но не успели, потому что раздался детский писк. И во второй раз. А потом еще в третий.

Свершилось!

Вышла королевская повитуха. Вид у нее был растерянный, и феи спросили, здоров ли принц.

«Это не принц», — ответила повитуха.

«Принцесса?».

«Три принцессы... Ее величество родила тройню».

Волшебницы вошли и увидели трех сморщенных ревуших младенцев. Тогда фея ума, будучи душой, воскликнула: «Сама судьба разрешит наш спор, что важнее: доброта, ум или красота! Пусть каждая выберет себе одну девочку, и мы посмотрим, какая из них проживет свою жизнь лучше».

Так и сделали. Формоза коснулась носика одной малютки павлиньим пером — и морщины разгладились, личико будто засияло. Беневолиса щекокнула ротик второй ангельским перышком — и девочка перестала плакать, губки раздвинулись в ласковой улыбке. Сапиенция погладила третью совиным пером по лбу. Принцесса тоже умолкла и подмигнула маленьким ясным глазом.

«Поглядим-поглядим», — прошептала Беневолиса. «Тут и глядеть нечего, моя возьмет», — покачала плечами Сапиенция. А Формоза лишь снисходительно усмехнулась.

Принцессы-тройняшки росли совсем непохожие одна на другую, будто и не сестры.

Беата была златокудрая, прелестная, глаз не отвести, но с пустой головой и пустым сердцем. С утра до вечера смеялась хрустальным смехом, а плакать не умела, потому что не ведала ни жалости, ни печали.

София была тускловолоса, крючконоса и щекаста, словно сова. Она блистала умом, острым, как каленая стрела, и столь же больно разившим всякого, кто вызвал неудовольствие принцессы, а угодить ей было непросто.

Корделию любили за душевную щедрость, но жалели за густые рыжие конопушки, а слуги, кто без совести, охотно пользовались ее простодушием для своей корысти.

Королева-мать, женщина чувствительная, очень расстраивалась, что принцессы, каждая по-своему, в чем-то нехороши: одна пуста, другая злосердечна, третья мало что дурнушка, так еще и дурочка. Но король-отец был человек мудрый. Он радовался красоте светловолосой дочки, уму черноволосой и доброте рыжеволосой. С первой он любил танцевать на балах, со второй вести беседы, с третьей отдыхал душой. А супруге говорил: «Беате мы приищем выгодного мужа, который будет нашему королевству верным союзником. София сама себе выберет хорошего жениха и

окрутит его вокруг пальца. Корделия же останется старой девой, и это прекрасно — будет тешить нашу старость».

И вот девицам сравнялось шестнадцать лет — время, когда принцессам пора выходить замуж.

Король устроил большой праздник с пирами, охотами, турнирами, пригласил холостых королей и принцев со всех британских островов и даже из-за моря. Все приехали, никто не отказался. Собрались самые завидные женихи окрестных стран — кто прибыл в надежде найти любовь, кто в погоне за богатым приданым, кто из политических видов, а иные просто развлечься.

В первый же вечер король показал гостям своих дочерей.

Сначала вышла ослепительная Беата, чуть улыбнулась, села слева, у окна — и кавалеры стали смотреть только в ту сторону, а многие перебрались поближе.

Потом появилась София, села справа, начала рассказывать сказку собственного сочинения. Гости заслушались, и некоторые переместились вправо, чтоб не пропустить ни слова.

На Корделию, пристроившуюся на скамеечке подле родителей, никто и не смотрел, но девушку это только радовало. От многолюдства она совсем ступсывалась.

И дальше всё получилось, как предсказывал мудрый король. Почти.

Беата выбрала самого красивого принца. Когда они были рядом, становилось больно глазам. Говорят, что красоты не бывает слишком много, но это не так. Бывает, и тогда она спит, как яркое солнце.

Умница внимательно оглядела всех мужчин, выбрала одного молчаливого, с насупленными бровями, подошла к нему и говорит: «Сэр, я вижу по вашему взгляду, что вами владеют великие помыслы. Но королевство у вас маленькое и без такой жены, как я, величия вам не достичь. Я хочу взять вас в мужья. Вместе мы перевернем горы». Король маленького королевства, не веря своему счастью, лишь молча поклонился. Он тоже был умный и знал, что, когда говорит умная женщина, лучше помалкивать.

И уже завтра состоялось празднество, на котором было объявлено о двух помолвках. Однако не осталась без жениха и Корделия. Принцесса сидела в уголке, радуясь за сестер, когда к ней подошел невзрачный молодой человек, доселе державшийся позади всех, и, волнуясь, завел такую речь: «Я наследный принц Северного королевства. Еще в прошлом году отец отправил меня искать невесту, велев не возвращаться, пока я не сыщу достой-

ную партию. Как видите, я нехорош собой, королевство наше бедное, и все принцессы, к которым я сватался, мне отказывали. Ваш двор — последний, больше ехать мне уже некуда. Пожалейте меня, отдайте мне свою руку, а на ваше сердце я уж и не надеюсь».

И стало Корделии жалко бедного принца. Она протянула ему руку, а ее сердце раскрылось само собой — так уж оно было устроено.

Вот и вышло, что все три дочери разъехались каждая в свою сторону, и тешить старость родителей стало некому.

Феи, наблюдавшие за сестрами из эфира, пришли в азарт. Ну-ка, которая сестра окажется лучшей королевой? Какая страна заживет счастливей?

Раньше Формоза обещала за проигрыш отдать радужные танцы бабочек, украшающие воздух, Сапиенция — мед, собираемый для нее умными пчелами, Беневолиса — труд послушных ей добрых бобров, но теперь ставки в споре повысились. Фея красоты поставила власть над эльфами, фея ума — тайну подземных сокровищ, фея доброты — ласку солнечного света.

Бедные люди и знать не знали, чем им это грозит. Если б победила Формоза, она потратила бы на пустяки всё земное богатство, а солнцу запретила бы сиять, потому что от его лучей появляются мор-

щины. Одержжи верх Сапиенция, и покорные ей эльфы заставили бы весь свет существовать разумно и по правилам, а какая же это жизнь? Да и от Бенево-лисы, достанься ей столько власти и богатства, мир взвыл бы — она ведь была хоть и фея добра, но злыдня.

Однако победительница в споре долго не определялась. Все три королевства жили очень по-разному, но неплохо. На свете ведь мало стран, где правит Красота, Добро или того паче Ум, а в те стародавние времена в Англии оно и вовсе было в диковину. Что ни король, то злобный урод, да в придачу еще и безмозглый.

А у наших трех сестер при всей их разности было одно общее качество: своими супругами они вертели как хотели, потому что красавице ее обожающий муж ни в чем не отказывал, умницу муж привык слушать — ее советы всегда были хороши, а у ангельской Корделии в семье царили любовь и согласие.

Со временем и их королевства стали такими же. Их теперь называли Умная страна, Добрая страна и Красивая страна.

В умной всё было устроено по уму, жители богатели, удобные и разумные законы соблюдались, а границы расширялись, потому что король с королевой ловко присоединяли соседние земли, зная, когда применить силу, а когда хитрость. Фея Сапиенция хвасталась перед соперницами: «Моя питомица ваших за пояс заткнет и станет королевой всей Англии, вот увидите».

Но Красивая страна тоже росла. Ее король с королевой были беспечны, войн не устраивали и золота не копили, но жили так празднично, так весело, что обитатели сопредельных государств сами просились в подданство. Столица королевства считалась жемчужиной всей Англии. Там были самые красивые дома, самые стройные башни, самые нарядные площади. И люди тоже будто похорошели. Пели, смеялись, танцевали, лишней работой себя не утруждали, однако ж не бедствовали. Ведь где красота, там и удача, они давние подружки. Красивому королевству всегда и во всем везло. Когда надо — сияло солнце, когда надо — брызгал дождик, и урожаи из года в год вырастали обильными, а стада тучнели на сочных лугах. Стоило казне опустеть от расточительства, как тут же сами собой обнаруживались золотые или серебряные залежи. Фея Формоза говорила Сапиенции: «Красота выше ума. Пока он кряхтит и потеет, ей все до-

станется даром. Будет моя Беата королевой Англии, а вы обе признаете мое старшинство».

Пока две другие страны увеличивались, Добрая оставалась все такой же. На чужое она не зарилась, пыль в глаза не пускала, за прибылями не гналась. Люди там существовали мирно и ладно, хотя если со стороны поглядеть — скучновато. Добро оно такое. Интересно на кого смотреть? У кого дома шум, драка, пожар и еще тридцать три несчастья. Если же семья живет себе тихо, в окошках по вечерам уютные огоньки, а днем на подоконнике дремлет кот, какой уж тут интерес?

Видя, что ее королевство отстаёт от двух других и Англии вокруг себя точно не объединит, фея добра ужасно злилась, но вслух говорила: «Лучше меньше, да лучше. Индюк вон больше соловья, а попросите-ка их спеть».

Шли годы. Наконец на всем острове осталось только три королевства: два больших и одно небольшое. В любой иной части света Умная страна уже давно бы напала на Красивую и тем более на Добрую, но сестрам такое и в голову не приходило. Они ведь были сестры.

В каждой королевской семье родилось только по одному ребенку. В Красивой стране вырос принц, унаследовавший пригожесть и от матери, и от отца, так что красивее его на всем белом свете

юноши не было. У умных родителей сын получился так силен рассудком, что мог с одного взгляда понять, о чем думает молчаливый человек и чего не договаривает говорливый. А у добрых короля и королевы подрастала принцесса до того славная, что птицы сами садились к ней на плечо и даже пугливые лесные косули подходили, чтобы она их погладила.

Казалось, исхода спору не будет, но ни о чем другом феи думать уже не могли. Они даже перестали благословлять младенцев своими дарами, и на свете народилась куча некрасивых, глупых и злобных детей, отчего, как потом доказали британские ученые, в Европе вскоре и установилась эпоха, именуемая мрачным Средневековьем.

Хуже того, сами феи стали меняться. Сапиенция сильно поумнела, потому что не тратила ум на других, Беневолиса помягчала сердцем, а Формоза поспежела лицом.

Ничем хорошим это закончиться не могло.

Как известно, причиной всех перемен на свете, что к лучшему, что к худшему, является ум. Если б не он, не было бы и приключений.

Фея ума Сапиенция долго думала, как бы ей взять верх над товарками, день ото дня всё умнела, и однажды вечером ее осенило.

В ту же ночь она явилась во сне умному принцу, пошептала ему на ухо, а наутро он предстал перед

родителями и говорит: «Я знаю, как стать королем всей Англии. Для этого мне всего лишь нужно жениться на двоюродной сестре. Наше королевство станет таким большим, что этим дуракам из Красивой страны придется перед нами склониться». «Умница ты мой! — вскричала мать. — Поезжай скорей, пока твоя глупая кузина не познакомилась с красавчиком сыном Беаты и не втрескалась в него!».

Но фея Формоза о том тут же узнала — феи всегда всё знают — и поскорей приснилась второму принцу. Шепнула ему: «Немедленно отправляйся в Добрую страну, иначе у тебя уведут единственную на острове невесту!». Красивый принц, как все неумные люди, верил в вещие сны и не подвергал их сомнению. Наутро он сел на коня, расчесал свои золотые кудри, оделся понаряднее, хотя красивей становиться было уже некуда, и поспекал.

Собрались тогда все три феи, и Сапиенция сказала: «Спор разрешится не так, как мы думали. Победительницы меж нас не будет, но будет проигравшая. Радуйся, Беневолиса, что в твоём королевстве родилась девочка. Тебе поражение не грозит. Проиграет одна из нас: или Формоза, или я — смотря по тому, чей принц завоюет невесту. Переменим наши ставки».

Они долго торговались, кому что достанется при выигрыше, и особенно волновалась Беневолиса, обговаривая свою долю. Наконец договорились и поклялись друг дружке больше ни во что не вмешиваться. Как выйдет, так и выйдет.

Первым до места добрался умный принц, ибо он был целеустремлен и никогда не отвлекался на пустяки. Красавец, тот по дороге любовался видами и давал людям полюбоваться собой. Он никогда никуда не торопился, ведь красота не терпит спешки, а спешка не ладит с красотой.

Но вот он достиг-таки Доброго королевства, увидел на пограничной заставе флаги и цветочные гирлянды, подумал, что это его встречают так торжественно, но оказалось иное. Принцу сказали, что королевская дочь обручается с наследником Умного королевства, и весь народ ликует. «Все спорят, что лучше — Добрый Ум или Умная Доброта. А вы, сударь, как думаете?» — спросил добрый стражник (в этом королевстве даже пограничные стражники были добрые, а как же).

«Я думаю, что лучше всего Добрая Красота и Красивая Доброта!» — топнул ногой принц. Он

не привык, чтобы в жизни что-то шло против его желаний. «Но это мы еще посмотрим! Верней, пусть принцесса *на меня* посмотрит!» — прошептал красавец и прищпорил коня.

Скоро он был уже во дворце, где его встретили дядя и тетя, обрадовавшиеся до слез. Путь от одного королевства до другого был длинный, и племянника они никогда раньше не видели. «Какой же ты хорошенький! — вскричала королева Корделия. — Даже жалко, что моя доченька уже сосватана, ты бы ей очень понравился!»

«Сосватана — не выдана, — молвил принц. — Где она? Я хочу скорей ее увидеть! И пусть она увидит меня».

«Она в саду, с твоим кузеном».

Принц отправился в сад. Но не подошел к скамье, на которой сидела парочка, а застыл в изящной позе посреди аллеи, чтобы девушка как следует его рассмотрела.

Жених с невестой обернулись, и принцесса ахнула: «Боже, что за кавалер! Прямо картинка!».

Формоза шепнула Сапиенции (феи, конечно, подсматривали за происходящим, сами оставаясь невидимыми): «Что, съела? Не видать твоему умнику невесты как своих ушей!».

Но тут раздался еще один возглас: «Кто ты, прекрасный юноша? Я хочу с тобой познакомиться»

ся!». Это вскочил на ноги умный принц. Он не мог отвести глаз от неопишуемого красавца.

Узнав, что видит перед собой родственника, кинулся к нему, заключил в объятия и повел прочь, даже не оглянувшись на невесту. «Пожалуй, мне рано жениться, — говорил умный принц. — Я еще слишком молод. Да и где сказано, что королевства можно соединять только через брачный союз между мужчиной и женщиной? Давай жить и править вместе, вдвоем. Умная Красота и Красивый Ум — вот наилучшее сочетание. Будем вместе воевать и охотиться, играть в мяч и в кегли — одним словом жить так, как нам заблагорассудится, и никакая жена нам не указ!». Он так красно и убедительно говорил, что красивый принц заслушался. Про бедную принцессу оба и думать забыли.

«Что мы натворили! — заохала фея Формоза — Теперь никто ни на ком не женится, и королевская династия пресечется!».

«Что это будет, если мужчины станут обходиться без жен? — переполошилась и Сапиенция. — Глядя на таких монархов, вся Британия посылует их примеру! Мы должны разлучить принцев! Я образумлю моего умника, и он женится на принцессе!».

«Нет, на ней женится мой красавчик!».

«Девочки, не ссорьтесь, — молвила Беневолиса. — Пресечется династия — не беда. Некоторые

страны живут без королей, и ничего. Это называется республика. А кому с кем жить, пускай люди разбираются сами. Не фейское это дело».

И это был самый хороший совет, потому что доброта, конечно, глупее ума, зато мудрее.

К тому же браки бывают такие, что лучше уж вовсе не жениться. Спросите хоть французов, которые больше всех разбираются в подобных вещах.

Подойдите к любому из них и попросите:

*«Раконте-муа ль'истуар де Шевё-Блё
силь ву пле». «Расскажите, пожалуйста,
историю про Синевласку».*

*Только упаси боже не на ночь, а то потом
страшно будет спать.*

Синевласка

*Французская
сказка*

ила-была в Нормандии, а может, в Бретани, в общем где-то в той стороне, на севере, одна благородная, но обнищавшая семья. В замке висело множество портретов прославленных предков, но все картины были без рам, их давно продали. Слуг не осталось, и граф сам колол дрова, но даже зимой их хватало только на один камин, да и тот разжигали вполсилы. К хилому огню жалась вся семья, кутаясь в ветхие одеяла, и понуро смотрела, как тлеют угли. Все разговоры были только про то, как хорошо жилось в прежние времена и как трудно живется теперь. Вздыхали и плакали в доме часто, смеяться же никогда не смеялись. Правда, улыбались, но не от веселья или от радости, а исключительно от хорошего воспитания. Даже мыши в доме были унылые, худющие и всерьез задумывались, не перейти ли им из домашних грызунов в полевые.

Но при всем при том детей в семье было много, сплошь сыновья, и каждый год рождался новый. Граф и графиня прямо не знали, что делать. Дети, они же растут и с каждым годом всё больше едят, особенно мальчишки, а еще их нужно прилично одевать и обувать — они ведь не крестьянские сыновья, а графские.

Больше всех, конечно, ел старший — потому что он был самый большой. К тому же он вырос высок и статен, так что на его платье уходило много материи, а на сапоги кожи.

И вот, после рождения очередного младенца, граф призвал к себе юношу и говорит:

— Господин виконт, вам уже восемнадцать лет. Пора отправляться на поиски удачи, ибо под этой крышей вы ее не найдете. Я бы посоветовал вам записаться в полк, но нет денег на экипировку, а служить нижним чином отпрыску столь знатного рода, как наш, неместно. По той же причине вы не сможете сделать карьеры и при дворе, к тому же мы давно растеряли все связи. Однако не падайте духом. Природа наделила вас миловидностью, предки — хорошей родословной, а мы с вашей матушкой обучили вас учтивым и приятным манерам. С таким капиталом вы вполне сможете найти себе хорошую невесту. Учтите лишь, что в вашем положении хорошей невестой может считаться лишь

девица с богатым приданым. Поезжайте с богом, оставаться на завтрак я вас не приглашаю. Его едва хватит вашим младшим братьям.

Отец не назвал еще одно, самое главное достоинство виконта — неспособность унывать. В тоскливом замке он один не вешал носа, не жаловался на судьбу и иногда даже насвистывал. Потому юноша поблагодарил отца за мудрый совет, поцеловал руку рыдающей матери (она, впрочем, и в обычные дни рыдала с утра до вечера), сложил в узелок свой единственный приличный наряд, нацепил узелок на шпагу, положил ее на плечо и отправился куда глаза глядят. Лошади у бедняка не было.

Он шел много дней, беззаботен, как божья птица. Так же распевал песенки, питался плодами, благо время было летнее, и повсюду спрашивал, где обитают хорошие невесты.

И вот сначала один встречный, затем другой, а после и третий сказали одно и то же. Ступайте-де, сударь, на юг, в провинцию Гасконь, в городок Арманьяк, где живут самые пьяные и самые драчливые дворяне во всей Франции. Они только и делают, что пьют крепкое вино, ссорятся и дерутся на дуэли, поэтому почти все переубивали друг друга, оттого в тех краях женихов мало, а невест много. Правда, третий из встречных, самый добрый, идти в Арманьяк отговаривал, ибо это

очень опасно — чужаков там задирают еще больше, чем своих.

Но виконт нищеты боялся сильнее, чем лихой смерти, и совета не послушался.

Скоро иль не скоро, но скорее скоро, чем нескоро, добрался он до города Арманьяка и сел в трактире, где пили и шумели смуглые, говорливые южане — чтобы приглядеться и прислушаться.

Не просидел он и пяти минут, как к нему пристал некий шевалье и сразу повел дело к ссоре, сказавши, что шляпа чужака с дурацким северным говором похожа на воронье гнездо. У гасконца у самого перо на берете было облезлое, однако виконт, будучи обходительным юношей, этого говорить не стал. Он попробовал перевести разговор в шутку, а когда не получилось, хотел уйти, но шевалье обозвал его трусом, и тогда, делать нечего, пришлось вызвать грубияна на поединок. В трактире все обрадовались, пошли во двор смотреть, как шевалье (это был главный местный забияка) проткнет молокососа.

Но никто никого не проткнул. Наш юноша превосходно управлялся с клинком, ибо в родительском замке никаких развлечений кроме фехтовальных упражнений не имелось, а в холодное время года это был единственный способ согреться. Поэтому виконт очень быстро выбил у противника шпагу, а после первый протянул ему руку, да еще извинился, если чем-то невольно его обидел. Вдвойне обезоруженный, гасконец немедленно объявил славного юношу своим лучшим другом и через пять минут уже угощал его вином. Так уж устроены южане, у них горячее сердце и во вражде, и в дружбе.

Некоторое время спустя виконт завел разговор на интересующую его тему. Спросил, есть ли где-нибудь неподалеку красивая девица иль молодая вдова, притом чем больше у нее приданое, тем менее красивой и менее молодой может быть невеста.

«Есть, — отвечал шевалье. — Очень богатая, коли уж для вас это главное, довольно молодая, и, пожалуй, даже красивая — ежели вы ничего не имеете против синих волос, ибо они у этой дамы цвета спелой сливы. Ее и зовут мадам Синевласка. Но должен, друг мой, предупредить вас, что...».

«Как это — синие волосы? — удивился юноша, не дослушав. Очень уж он заинтересовался столь

необычным обстоятельством. — Неужто от природы?». «В ранней юности они были голубыми, а потом становились всё синее и синее».

«Что ж, к этому, наверно, можно привыкнуть. Если она в самом деле очень богата», — молвил виконт.

«Это первая богачка во всей Гаскони», — уверил его шевалье.

Первая богачка в хвастливой, но беспортошной Гаскони это, верно, не бог весть что, подумал про себя юноша, но вслух говорить такого не стал, чтобы не обижать собеседника. К тому же в его положении привередничать не приходилось.

Погруженный в свои раздумья, виконт пропустил мимо ушей то, что продолжал говорить приятель, пока не расслышал слова: «...Так она схоронила и восьмого».

«Кого восьмого?». «Мужа. Я же говорю, она восьмой раз вдовеет, и ни один супруг не дожил до конца медового месяца. Потому я и заклинаю вас не свататься к госпоже Синевласке. Мужья у нее сгорают, как свечи», — сказал шевалье.

Наверное, ее мужья были больные или слабые, а я здоров и крепок, подумал наш герой. Авось не помру. А если и помру, лучше умереть богатым, чем прозябать в нищете.

Не будем осуждать его за эту глупую мысль — он ведь был очень молод, к тому же нищему виконту живется намного трудней, чем нищему крестьянину.

Яркое южное солнце стояло еще высоко, а нетерпеливый молодой человек уже шагал туда, где обитала богатая вдова.

По дороге ему попадались обширные поля, тучные стада, густые леса, крепкие мельни. Он спрашивал, кто владеет этими угодьями, и ответ все время был один и тот же: «Маркиза Синевласка». Тогда виконт переменил свое мнение о гасконских богачках и зашагал быстрее, не чувствуя усталости.

Перед самым закатом, пройдя по владениям маркизы не один лье, он увидел на зеленом холме превосходный дворец. Вынул из узелка платье, башмаки с блестящими пряжками. Переоделся, переобулся, расчесал волосы. Сердце его колотилось от волнения. Юноша еще не видел госпожи великолепного поместья, а уже почти в нее влюбился. Про синие волосы думал, что это, пожалуй, даже изысканно.

С таким богатством любая женщина покажется пригожей, но когда хозяйка вышла к гостю, она и в самом деле оказалась красавицей.

Лицо ее было округло, голос мелодичен, разговор учен и увлекателен, а больше всего виконта пленило изысканное угощение. Он в жизни не вкушал столь чудесных яств и не пил такого благородного вина. Что же касается волос, то человеку менее увлеченному, возможно, показалось бы, что на голову маркизы вылили склянку чернил, наш же юноша мысленно назвал их сапфировыми — к концу беседы он влюбился в превосходную даму уже не «почти», а по-настоящему.

Но вот настал поздний вечер, следовало откланяться. С большой неохотой виконт поднялся, поблагодарил маркизу Синевласку за гостеприимство, а она вдруг повела такую речь: «Сударь, жизнь быстротечна, жалко растрчивать время попусту. Я ведь уже немолода, мне двадцать три года. Я вижу по вашим глазам, что вы ко мне неравнодушны и собираетесь за мной поухаживать. Вы мне тоже сразу полюбились. Так зачем нам тратить время на церемонии? Сделайте мне предложение прямо сейчас. Я приму его».

Вне себя от радости, юноша тут же пал на колени и попросил красавицу стать его супругой.

«Да — но с двумя условиями», — отвечала она.

«С какими угодно! Принимаю их, не спрашивая!».

«Нет, вы выслушайте. Первое условие тяжелое. Я единственная наследница древнего рода, и я не хочу, чтобы он угас. Готовы ли вы отказаться от прежнего имени и взять мое — стать маркизом де Синевласом?».

«Идет! — легко согласился молодой человек. — Я уступаю титул виконта моему брату, это его обрадует. Называйте скорее второе условие».

Оно оказалось пустяковым.

«В угловой башне дворца, на чердаке, есть одна маленькая комната. Дайте слово благородного человека, что никогда и ни при каких обстоятельствах туда не войдете и даже не заглянете».

Юноша рассмеялся.

«У вас ведь тут тысяча комнат! Я легко обойдусь без одной из них».

«Слово благородного человека?».

«Слово благородного человека! Пусть я сгину лютой смертью, коли его нарушу!» — воскликнул он.

«Так обнимите же меня, мой возлюбленный жених», — сказала тогда Синевласка, и он кинулся к ней в объятия.

Молодые зажили в счастье и довольстве. Каждый их день был праздником. Маркиза ничего не жалела для своего супруга — ни денег, ни забот, ни ласк.

Каждый вечер она спрашивала: «Хорошо ли вам со мной, дорогой супруг?». И он неизменно отвечал: «Так хорошо, что я страшусь лишь одного — не чудесный ли это сон, от которого я могу пробудиться. Я счастливейший из смертных!».

И это было сущей правдой. В конюшнях били копытами чистокровные скакуны, на которых можно было бы отлично покататься, в псарнях лаяли породистые псы, просились на охоту, но юноше не хотелось никаких иных развлечений — только быть рядом с Синевлаской в чудесном дворце.

Так волшебно протекал их медовый месяц. Он еще не закончился, когда маркиза сказала, что ей придется на несколько дней отлучиться — проводить захворавшую тетюшку. Я поеду с вами, предложил супруг, но Синевласка отказалась, объяснив, что ее тетка, старая дева, на дух не выносит мужчин, особенно пригожих, и от вида такого красавчика может расхвораться еще пуще.

«Не скучайте без меня, друг мой, — сказала маркиза. — В вашем распоряжении конюшни и псарни. Вот вам ключи от всех комнат. Золотые — от тех, где хранится золото, серебряные — от тех, где хранится серебро, стальные — от арсеналов,

где хранится оружие на случай, если вы пожелаете развлечься охотой».

«А этот, некрасивый, от чего?» — спросил муж про медный ключик, позеленевший от старости.

«От той самой комнаты, куда вы дали слово никогда не заглядывать. Дождитесь моего возвращения, и мы продолжим наш медовый месяц. От разлуки он станет еще слаще».

Поцеловала его и уехала.

Без Синевласки молодому человеку стало скучно и тоскливо — будто солнце затянуло тучами и полился серый дождь.

Ничего не хотелось — ни охотиться, ни кататься, ни любоваться драгоценностями. Юноша бродил по этажам и комнатам, нигде не находя себе места, и тысячу раз за день выглядывал из окна — не едет ли Синевласка. Но она всё не возвращалась.

Не раз и не два оказывался он в той самой башне, перед маленькой железной дверью. Казалось, его тянет туда некая непреодолимая сила.

Тайна комнаты, запертой медным ключом, не давала ему покоя. Заржавленная замочная скважи-

на снилась по ночам. «Загляни в меня хотя бы одним глазком, — шептала она. — Ты увидишь такое! Такое!».

Один раз, ночью, юноша проснулся с бьющимся сердцем. Во сне закрытая дверь сказала ему: «Открой меня, и ты наконец прозреешь. Твоя жизнь уже не будет прежней».

За окном грохотало, сверкали молнии.

«Что же в той комнате? — в который раз спросил он себя. — Почему туда нельзя войти? И отчего умерли восемь предыдущих мужей? Жenuшка мне про них никогда не рассказывала, а я из вежливости не спрашивал. Вдруг там, за дверью, ответ?»

И он встал с постели, зажег фонарь, поднялся на чердак.

Вдруг башня задрожала, наполнилась треском. Одна из молний ударила прямо в флюгер. Но молодой человек зловещего знака не испугался. Как мы знаем, он был не робкого десятка.

Взял медный ключ — а тот горячий и сам будто рвется к скважине.

Но тут юноша стряхнул остатки сна и сказал себе: «Человек сам выбирает, благородный он или нет. Тот, кто дал слово, а потом его нарушил, свое благородство утрачивает. Чего я хочу больше — удовлетворить свое любопытство или остаться благородным человеком?».

Ответ был ясен.

Пальцы разжались, и медный ключ жалобно звякнул об остальные, висевшие на связке, а наш герой вернулся в опочивальню, сладко уснул и больше соблазнительных снов не видел.

Пробудился он поздно. Вдохнул, что еще одну ночь провел один. Подошел к зеркалу умыться — и ахнул.

Он и раньше был очень недурен собой, а теперь и вовсе стал писанный красавец. Но еще удивительней было то, что локоны на его голове поголубели, а на подбородке проступила синяя щетина.

«Вот теперь я настоящий маркиз де Синевлас», — подумал молодой человек и засмеялся.

Тут со двора донесся стук копыт, скрип колес, звон сбруи. Он бросился к окну и засмеялся пуще прежнего. Его дорогая супруга наконец вернулась!

Он бросился к Синевласке с радостным возгласом, но она от объятий уклонилась. Лоб ее был нахмурен, руки тряслись.

«Где ключи?» — спрашивает.

Муж удивился, отдал связку.

Маркиза сразу схватила медный ключ, посмотрела на его бородку — и в слезы. Плачет — не может остановиться.

Молодой человек испугался.

«Что с вами, милый друг? Неужто, ваша тетушка скончалась? Какое несчастье!».

«Я плачу не от горя, а от облегчения, — сказала Синевласка, всхлипывая. — Нет у меня никакой тетушки! Я должна была устроить вам испытание, и вы, любимый супруг, его выдержали, единственный из всех! Вы не воспользовались ключом. О как я счастлива!».

«Мне очень хотелось, — признался он, — но я ведь дал слово. А что там, в комнате? Можете вы мне рассказать или хотя бы намекнуть? Ужасно интересно!».

«Там спрятана моя тайна, — ответила Синевласка. — У каждого человека в душе есть маленькая запертая комната, куда никому заглядывать нельзя, даже если есть ключ».

«И тому, кто любит вас больше всего на свете?» — укорил муж.

«Особенно тому, кто любит тебя больше всего на свете. И особенно, когда ты попросила его этого не делать, а он дал слово. Тут все дело в слове».

«Почему в слове? — спросил он. — И еще и давно хотел узнать. Что случилось с вашими прежними мужьями? Вы говорите, все они заглянули

в ту комнату. Что с ними случилось? Отчего они умерли?».

«От своего вероломства. Оно отравляет душу хуже яда. От вероломства душа моментально чернеет и высыхает. Вы хотите заглянуть в потайную комнату? Что ж, идем».

«Нет. Я вижу, что вам это не по нраву. И, клянусь, никогда больше о ней не заговорю, чтобы вас не расстраивать».

«Нельзя нарушать слово. А если я разрешаю, то войти в комнату можно. Раз вы благородный человек, пусть у меня не будет от вас тайн».

Она повела его в башню, отперла железную дверь, но сама входить не стала и даже отвернулась, сказав, что это зрелище слишком тягостно для ее нежной души.

Нерешительно, с бьющимся сердцем, молодой человек вошел, но ничего страшного внутри не увидел. Только пыль, паутину, и на подоконнике несколько сморщенных, высохших слив. Пересчитал — их было восемь.

«Это и есть мои мужья, — сказала с порога Синевласка. — Видите, во что превращаются люди, когда их высушивает вероломство? О, как я боялась, что с вами произойдет то же самое! Пойдемте отсюда и давайте никогда больше не будем об этом говорить».

И они вышли из проклятой комнаты, и впредь о ней не упоминали. Жизнь их вновь стала счастливой и радостной, дни были светлы, а ночи волшебны.

Однажды приятель — тот самый шевалье — решил навестить своего друга. Пока длился медовый месяц, он не появлялся, потому что при всей своей шумливости гасконцы люди деликатные, но теперь шевалье решил, что пора. Ему было очень любопытно посмотреть, как северянин живет у Синевласки.

Маркизы в тот час дома не было, она поехала в город за нарядами. Наш герой вышел встречать гостя с распростертыми объятьями, но тот в ужасе попятился.

«Что с вами стряслось?» — вскричал он.

«Вы про мои синие волосы? — засмеялся ново-
явленный маркиз де Синевлас. — Вы находите, что
они мне не к лицу?».

«Именно что к лицу! Разве вы не глядитесь в
зеркало?».

Юноша удивленно повернулся к зеркалу. Там отразился статный, румяный молодец с синими локнами до плеч.

«Зеркало врет! — ахнул гасконец. — На самом деле вы весь сморщенный и фиолетовый, как черносливина! Какой кошмар! Эта ведьма наложила на вас заклятье! Она, должно быть, и зеркала в доме заколдовала, чтобы вы себя не видели! Но у меня всегда при себе зеркальце, чтобы подкручивать усы. Вот, взгляните на себя, мой несчастный друг!»

Он достал маленькое зеркальце, но наш герой смотреться в него не стал, а сдвинул брови, сверкнул глазами и грозно молвил:

«Сударь, вы посмели назвать мою дорогую женушку ведьмой! Больше вы мне не друг! Убирайтесь прочь и чтоб ноги вашей здесь не было!»

Гасконец хотел возразить, но юноша не стал и слушать.

«Еще одно слово, и я проткну вас шпагой! Вы знаете, что я это умею!».

Видя, что приятель заколдован неизлечимо и что ничем помочь уже нельзя, шевалье махнул рукой и поехал прочь, плача от жалости. Больше они никогда не виделись.

А злополучный муж Синевласки сох и синел лицом еще много лет, не замечая этого и пребывая в полном довольстве. Он так до самой смерти и не узнал, что находится во власти злых чар и сожительствоет с ведьмой. Не догадывался он и о том, что окрестный люд за глаза называет его маркизом Черносливом.

Ужасная, ужасная судьба!

Моралитэ

*Всего ужаснее судьба —
Не жизнь несчастного раба,
А жизнь счастливого глупца,
Того блаженного слепца,
Кто и не знает, идиот,
Сколь беспросветно он живет.
А может, всё наоборот.
Кто нас, безмозглых, разберет?*

*Пожалуй, лишь раввин Шапиро,
Который знал все тайны мира...*

Исполнение желаний

*Еврейская
сказка*

ы, конечно, слышали о мудром и великом раввине Шапиро, а если нет, то это большое упущение, которое мы сейчас восполним.

Его мудрость была столь глубока, что никто из окружающих даже не пытался заглянуть в эту бездну, а его величие было такой высоты, что смотреть на нее — закружится голова и с головы спадет шапка.

С утра до вечера ученый раввин просиживал за священной книгой «Збар», в которой, как известно, зашифрованы все тайны бытия, малая толика коих открывается самым проницательным умам, большая же часть земному разуму недоступна, не говоря уж о том, что магический трактат дошел до людей лишь в отрывках.

Но и в таком виде он состоит из нескольких томов, и по каждому из них имеются особые толкователи. Рав Шапиро читал и осмыслял самый головоломный раздел, посвященный поиску подлинных имен.

Дело в том, что у всякого предмета и у всякого существа есть обычное имя, употребляемое всеми, и есть имя тайное, сокрытое, передающее самую суть при помощи единственно верных звуков. Тот, кто это заветное слово знает, получает власть над обозначаемым им предметом, человеком, зверем и даже духом.

Тайное имя людей мудрец Шапиро научился выявлять еще в молодости. У большинства оно написано на лице. У умного человека на лбу, у любопытного на кончике носа, у веселого на верхней губе, у грустного на нижней, у доброго на правой щеке, у злого на левой. Надо лишь уметь эти знаки читать, и рав Шапиро это умел. Посмотрит на собеседника своим острым взглядом, скажет сам себе: «Э-э, вот ты кто на самом деле». Потом прошепчет имя — и сразу слышит, о чем человек думает.

Но этим мастерством мудрец пользовался редко, потому что у большинства людей мысли глупые. Их подслушивать — зря время тратить.

Тайные имена вещей постигаются труднее, но к зрелому возрасту раввин научился угадывать и их. Бывало, придет к нему жена с жалобой, что закончились деньги. Шапиро посмотрит на стол, прошепчет «серебро» (только назовет его другим, настоящим именем) — и появляется горсть серебряных монет. Жена брала деньги и уходила, а кудесник возвращался к своим занятиям. Он знал и как называется золото, но на что оно тому, кто взыскует истины? Тяжелый,

скучный металл, мало на что годный, а на хлеб и молоко, на бумагу и чернила вполне довольно серебра.

Как уже было сказано, раввин корпел над книгами с утра до вечера, но свои ученые занятия он продолжал и ночью — если ночь выдавалась лунная. Прозреть между букв и цифр тайнопись, в которой заключена магия, возможно лишь в недвижимом и холодном сиянии ночного светила. Это вам скажет всякий исследователь сокровенной науки.

В доме раввина на крыше к печной трубе были приделаны столик и стул. Там в ясную ночь Шапиро сидел, согнувшись над древними письменами. Поздние прохожие, увидя наверху черную фигуру, крестились или плевали, если это были гои-христиане, либо почтительно кланялись, если это были евреи, но раввин не видел ни тех, ни других. Он вглядывался в шифр бытия — искал решение для задачи, которая ему никак не давалась.

Вот научился он исчислять тайные имена предметов, и что с того? Предметы, они и есть предметы, их кто-то сотворил — или Творец, или сотворенные Творцом люди. И ничего нового под солнцем нет, всё уже было прежде. Раввину же хотелось создать нечто, никогда еще не бывалое, наречь это нечто по собственному вкусу и тем самым обогатить Божий мир. Вот куда занесла мудреца гордая мысль — он возжелал уподобиться Всевышнему!

«Как мне создать нечто, чего никогда не бывало? Как?» — терзался Шапиро и не находил ответа

ни в недрах своего несравненного разума, ни в строках великой книги, ни между ее строк.

Умный человек, бьющийся над сложной проблемой, подобен упрямой гусенице, поднимающейся на вершину горы. Она будет долго ползти, но в конце концов доберется. Однажды рав Шапиро достиг заветной вершины, и перед ним открылся новый горизонт.

То, на что не способен естественный человеческий рассудок, может превзойти рассудок сверхъестественного существа! Вот какая мысль пришла в голову раввину, и он снова погрузился в книгу «Зоар», чтобы разгадать тайное имя какого-нибудь ангела.

Трудность в том, что у серьезного ангела, допустим, всем известного Семангелофона, охраняющего детей, не одно, а двенадцать имен и все секретные, да такие, что язык сломаешь. Поди-ка их, разгадай!

Но гусеница вновь поползла в гору и не остановилась, пока не покорила и эту небесную вершину.

«Всё! — молвил однажды лунной ночью, несколько лет спустя, рав Шапиро, утирая лоб. — Вот и двенадцатое». Он прочел вслух все двенадцать тайных имен, записанные на свитке, и в тот же миг перед ним явился божий ангел.

«Чего тебе надобно, Знающий Мои Имена? — спросил ангел. — Я спешу, я должен помочь стольким людям! Говори быстрее, что тебе нужно, и я исполню твое желание, если оно не противно воле Божьей». «В книгах много написано про ангельское терпение, — упрекнул его Шапиро, — а ты нетерпелив. Еще там написано, что ангелы всезнающие, а ты не знаешь, зачем я тебя вызвал».

«Знаю-знаю, — сказал ангел с двенадцатью именами, которые мы называть здесь не будем, ибо у этого Божьего помощника очень много забот и без того, чтоб его вызывали все подряд. — В твоём намерении соперничать с Господом я помогать тебе не стану. Но если ты хочешь чего-нибудь безобидного — здоровья, удачи, даже воскрешения твоей покойной тещи — проси».

Раввин покачал головой: «За своим здоровьем я слежу сам, в удаче нуждается только лентяй и глупец, а моя теща пусть ожидает пришествия вместе с другими праведницами. Ступай, ты мне ни к чему».

Он был разочарован — не в ангеле, а в собственном уме, подсказавшем неверное решение для задачи. Конечно, ангел как слуга Бога, несвободен в своих поступках. Преступить Божий Закон он не может.

Надо было искать иного помощника — кто не признает никаких законов и потому свободен в своих поступках. Таковы исчадия ночи, служащие бе-

совскому царю Асмодею, но охотно изменяющие и своему владыке, ибо что же за Зло без предательства?

Эти черти называются «лилим», а если один — «лилин». Но то их обычное, неволшебное название (и, кстати говоря, лучше его громко не произносить, потому что какой-нибудь лилин всегда болтается неподалеку, и коли подумает, что вы его окликаете, — беда).

Шапиро-то собирався позвать лилина не просто так, а по-хозяйски, как подзывают спущенную с поводка собачонку.

Еще несколько лет ученый потратил на то, чтобы разгадать истинное имя какого-нибудь подходящего лилина. Это потрудней, чем расшифровать имена ангела, потому что злой дух приличного ранга защищен не двенадцатью, а тринадцатью именами, в которых сплошные «ш», «ч», «ц» и «щ» — испяешься, пока выговоришь.

Однако гусеница прозорливого ума вскарабкалась на ножках терпеливого усердия и на эту гору.

Однажды серебряной ночью раввин дописал на заветной бумаге последнюю, тринадцатую букву последнего тринадцатого имени, произнес всю эту длинную абракадабру вслух — и луна вдруг исчезла, закрытая черной тенью. На крыше стало темным-темно.

«Что тебе нужно, Знающий Мои Имена? — прокрипел голос, похожий на визг ржавых двер-

ных петель. — Говори, я всё исполню — хоть доброе, хоть дурное, но учти, что злую работу мне выполнять будет приятней».

«Как мне создать нечто, чего никогда не бывало, что я сам нареку именем и что будет принадлежать мне по праву?» — воскликнул раввин, не теряя времени попусту.

Но лилин, кажется, был не прочь поболтать.

«Ты женат?»

«Женат, уже двадцать два года», — ответил Шапиро, удивившись неожиданному вопросу.

«А дети у тебя есть?».

«Нет. Зачем они мне?».

«Так сделайте с женой ребенка. Вот и будет у тебя нечто, что ты сотворишь сам и чего на свете никогда раньше не было. Дашь ребенку имя, какое пожелаешь. И он будет весь твой».

Пораженный этой мыслью, никогда прежде ему в голову не приходившей, высокоученый раввин разинул рот, а лилин засмеялся.

«Я, конечно, могу тебе в этом помочь, но тогда получится, что нечто сотворил я, а не ты».

«Изыди, мне нужно подумать, — прошептал Шапиро. — Я вызову тебя завтра».

В самом деле, сказал себе великий книжник, оставшись один. Всякий человек, нарождающийся на свет, подобен новой вселенной, которой раньше не существовало. Как это просто! И как верно!

Он спустился с крыши в дом, позвал жену и объявил, что они сейчас же примутся создавать ребенка. Супруга раввина несказанно удивилась, ибо за все двадцать два года брака ее вечно занятый муж подобных желаний не выказывал, но из почтения к его учености и заслугам противиться не стала.

Весь следующий день рав Шапиро провел в расчетах. Он вычислил, что ребенок появится через девять месяцев и будет мальчиком, потому что в минувшую ночь звезда Аль-Таир вошла в квадрат Малого Козерога; мальчик родится рыжий, потому что утром на восходящем солнце были оранжевые пятна; по той же причине «человеческое» имя его будет Шимшон, что означает «Солнечный», а подлинное имя откроется лишь в третье полнолуние по зачатию.

Далее будущий отец взял лист бумаги и стал составлять для своего Шимшона жизненный план. В три года мальчик научится читать, в четыре — писать, к восьми выучит наизусть всю Тору, к тринадцати постигнет Талмуд и тогда уже можно будет всерьез заняться с ним книгой «Зоар», чтобы к двадцати сын ученостью превзошел своего родителя, который к тому времени уже состарится и захочет покоя.

Ночью раввин поднялся на крышу, над которой опять сияла луна, произнес имена лилина и всё произошло, как в прошлый раз. Сначала мир по-

чернел, потом скрипучий голос спросил, чего надобно Знающему Имена. Рав Шапиро открыл рот, чтобы перечислить все подготовленные задания: пусть-де мальчик родится здоровым и никогда не болеет, пусть будет прилежен в учебе и нешаловлив, пусть...

Но в это время туча, всегда сопровождающая лилим, сползла с луны, на крыше стало светло, и раввин увидел своего собеседника.

Сказать, что лилим страшны собой — это ничего не сказать. Вид их настолько ужасен, что в старинных книгах просто говорится: «А вид их ужасен». Одно дело прочитать это на бумаге, и совсем другое — увидеть лилина перед собой в двух шагах, да еще ночью.

От испуга многоученый раввин шарахнулся, отлетел назад, зацепился каблуком за край крыши и рухнул вниз.

«Куда ты, Знающий Мои Имена?» — удивился лилин, который сам себе ужасным совсем не казался.

Но в ответ раздался только треск. Это рав Шапиро свалился на поленницу дров, расшиб свою мудрую голову и присоединился к предкам, ожидающим Дня Воскрешения.

Евреи всего местечка горько оплакивали великого человека. Люди говорили, что рава Шапиро погубила высота, на которую он взобрался, и в известном смысле были правы, но, как обычно, ведали лишь часть истины. Никто ведь не знал про лилина.

Точно в рассчитанный мудрецом срок, через девять месяцев, родился мальчик. Он в самом деле был рыжим, как апельсин, и назвали его Шимшом — отец угадал и это. Но тайное имя ребенка исчислить было некому, и никто не мог подслушать мысли, витавшие в рыжеволосой голове.

А может быть, и к лучшему. Из пожеланий, которые не успел высказать черту несчастный отец, сбылось только одно: мальчик никогда не болел. Но ни ума, ни прилежности от родителя он не унаследовал. Был непоседлив, безмозгл и до того нескладен, что все называли его «шлимазл», нескладеха. В начальной школе-хедере он учился хуже всех. Его долго жалели из почтения к покойному, но в конце концов терпение учителей кончилось, а память о великом Шапиро слегка потускнела — всё тускнеет от времени! — и тупицу выгнали. Ничего кроме чтения Шимшон не освоил, даже таблицы умножения, так что ученого из него получиться никак не могло, ведь для постижения книжных тайн понимание цифр еще важнее, чем понимание букв.

Так и рос никчемный сын прославленного отца чертополохом, не проявляя способностей ни в ка-

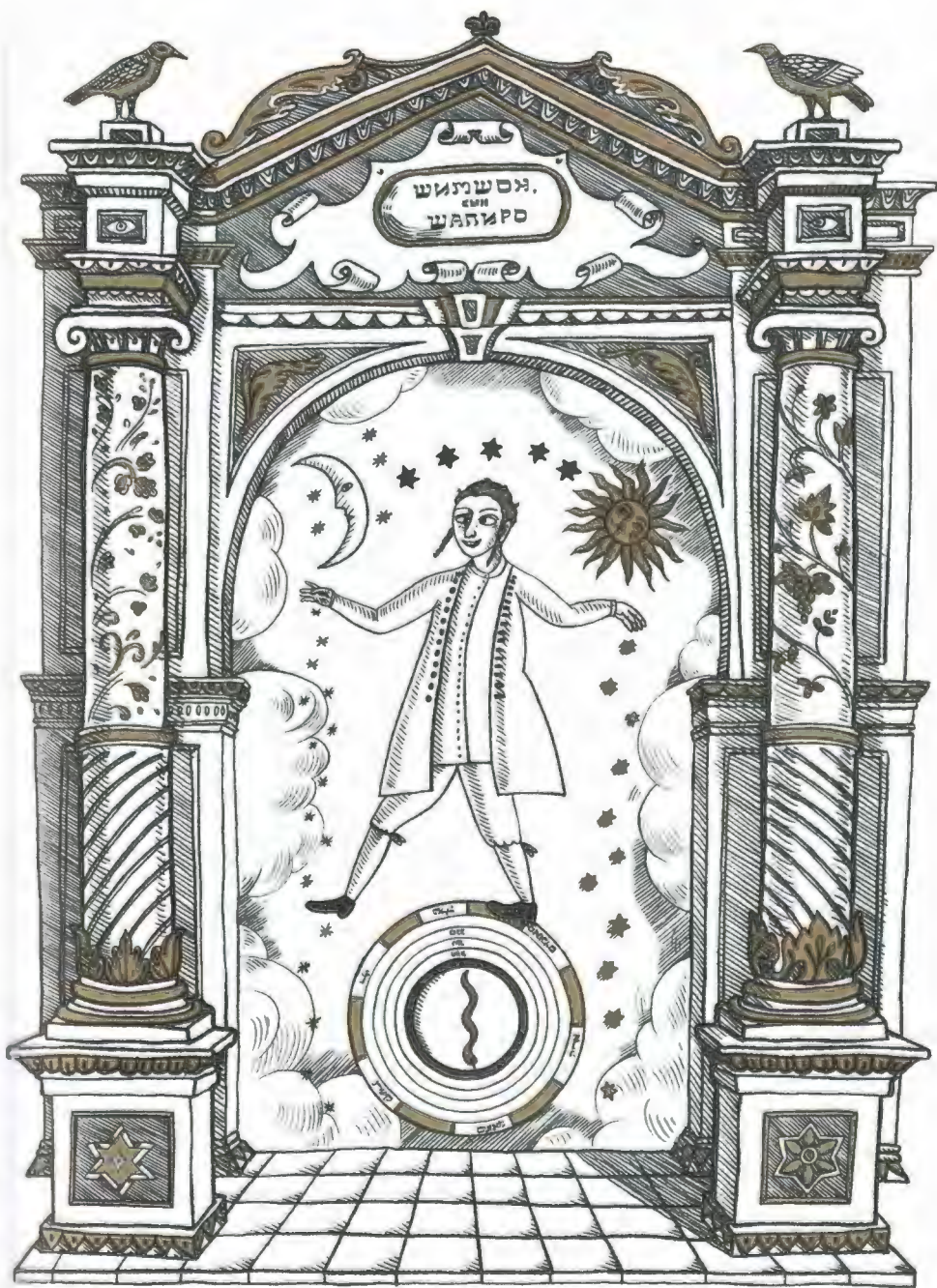

ком деле. Никто из детей с ним не дружил, никто не играл. Даже девчонки дразнили его за оранжевые конопушки, мальчишки поколачивали, а взрослые вздыхали, что яблоко упало так далеко от яблони. Новый раввин, который был далеко не так светел разумом, как усопший Шапиро, но все же очень-очень умен, говорил: «Бог в мудрости Своей устроил так, чтобы разум не передавался по наследству, а выныривал то там, то сям, будто рыбка, играющаяся в волнах. Иначе род людской разделился бы на семьи умные и семьи глупые. Вместо одного человечества получилось бы два. Нужно оно Господу, когда Он и с одним-то еле справляется? Притом еще вопрос, с которым из двух человечеств, умным или глупым, у Всевышнего будет больше мороки». С этим, конечно, не поспоришь.

Когда Шимшону исполнилось восемнадцать лет, мать сказала ему, что жить им больше не на что. Все минувшие годы она перебивалась, распродавая книги из обширной домашней библиотеки, но вот продана последняя. Из раввинова наследия ничего не осталось, только бумажка с какими-то невнятными каракулями. «Возьми ее в память об отце, мой глупый сын, и живи дальше один, как сумеешь», — сказала плача бедная вдова и удалилась доживать свой век в богадельню.

Шимшон-шлимаза почесал в затылке. Никаким ремеслом он не владел, на что жить не знал. Поду-

мал, продам-ка я дом. И продал, но, поскольку он был шлимазл, при расчете его надули, заплатили половину настоящей цены, а потом еще и обокрали, так что к вечеру остался он и без дома, и без денег, с одной только пожелтевшей бумажкой.

Поздно вечером сел раввинов сын у речки, развернул листок, с трудом прочел в лунном свете все «ш», «ч», «ц» и «щ», оплевав себе лапсердак. Тут вдруг потемнело, и предстал перед Шимшоном некто пахнувший серой, и раздался скрипучий голос.

«Что тебе нужно, Знающий Мои Имена?».

Парень испугался и на всякий случай зажмурился, что, кстати сказать, было не так глупо. Скоро опять выглянула луна, осветив ужасные черты лилина, а Шимшон их не увидел.

«Мне много чего нужно. Почитай, всё, — сказал шлимазл. — У меня ведь ничего нет. Ты сам-то кто?».

«Я — потомственный лилин Шццщцц-Чщщчщ-Щщщщщшшш... — начал перечислять все свои шипяще-свистящие имена черт. — Можно просто «Щцц». И я обязан исполнять любые желания того, кто знает мои имена. Требуй чего хочешь».

Услышав такое, Шимшон подумал, что видит прекрасный сон. Глаз он решил вовсе не открывать, чтобы не просыпаться, и это опять было правильно. На свете часто бывает, что дураки поступают

умно, а умники глупо — должно быть, это Господь забавляется, чтобы с нами не заскучать.

«Хочу быть сильнее всех на свете, а то все меня колотят, проходу не дают! — выпалил Шимшон. — А еще я хочу...».

«Э, э! — остановил его лилин. — Одно желание в сутки, не больше. Я не двужильный».

Дохнуло могильным холодом — это Шцц переместил энергию из одного места Вселенной в другое. А потом раздался треск. У Шимшона на плечах лапсердака лопнули швы от вздувшихся мышц.

Когда он открыл глаза, никого рядом не было. «Эх, жалко! Такой хороший был сон!» — расстроился парень, в досаде стукнул кулаком по дереву, и оно вдруг переломилось пополам.

«Эгеге, так это был не сон?! — ахнул бывший шлимазл, а ныне сильнейший во всем свете богатырь. — Ну держитесь все, кто меня обижал!».

До утра он развлекался тем, что сначала переломал на лесопильне все бревна, а потом поменял местами колокола на православной и католической церквях. То-то, подумал, будет смеху, когда католическая колокольная загудит «бум-бум», а право-

славная тоненько отзовется «бем-бем», и поп с ксендзом подумают, что они рехнулись. (Мы ведь уже говорили, что ума у Шимшона было немного).

Полдня силач гонял по улицам своих обидчиков. Накостылял одному, другому, а когда на него накнулись гурьбой, расшвырял и гурьбу. Потом все парни попрятались, и бить стало некого. Сделалось Шимшону скучно. Он хотел поговорить с девушками, похвастать своей силищей, но разбежались и девушки.

Когда пришло время обедать, богатырь в одиночку разгрузил баржу с кирпичами, получил за это десять рублей, накупил на всё сладкого цимеса и обожрался им до поноса. Поэтому ночью, вызвав нечистую силу, Шимшон попросил скорей его вылечить. Глаз он уже не зажмуривал и увидел лилина во всем ужасном обличье, но не испугался, потому что очень мучился животом и какая важность, хорош ли собою врач, лишь бы лечил.

Вылечить-то Щц его быстро вылечил, но желание было потрачено.

Назавтра Шимшон бродил по местечку злой-презлой. После вчерашнего все от него шарахались.

К ночи он уже знал, чего попросит.

«Хочу быть красивым! — потребовал он. — Чтобы какая девушка на меня ни посмотрит, сразу же до смерти влюбилась бы!».

«Красота бывает разная, — ответил Щц. — Ты которую хочешь? Я видел в королевском дворце в Варшаве статую Аполлона. Многим нравится. Желаешь стать таким? А то давай сделаю тебя в точности таким же, как я. Передо мной ни одна баба устоять не может».

«Спасибо, но лучше сделай меня таким, как этот, Аполлон», — сказал Шимшон.

Никаких перемен он в себе не почувствовал, только волосы немного зашевелились, в носу защипало и подбородок зачесался. Зеркала у Шимшона не было, да и что проку от зеркала ночью? На рассвете он посмотрелся на себя в лужу — ничего особенного не разглядел, разве что голова закудрявилась. Засомневался. Может, зря он в греки попросился?

Но стоило Шимшону дойти до местечка, и первая же встречная девушка, шедшая от колодца, уронила ведро, сказала «ой!», уставилась на кудрявого юношу и прикрыла рот углом платка. Была она некрасивая, и Шимшон останавливаться не стал, а лишь расправил свои широкие плечи и пошел дальше селезнем.

Оглянулся — а девушка сзади идет. И другая через двор бежит, простоволосая. А из окошка глядит третья, рот разинут.

Пока Шимшон дошел до базарной площади, за ним целый девичий полк выстроился.

А на площади стало того хуже.

«Ой, кто это? Неужто наш Шимшончик? Ах, сахарный! Ах, яхонтовый!» — несло со всех сторон. Замужние бабы были еще хуже девушек. Те хоть стеснялись, издали любовались, а женщины — которая за локоть возьмет, которая ущипнет, и особенно кудрявой голове доставалось, прямо загладили всю.

Кинулся Шимшон бежать — за ним толпа. Визжат, голосят. Хорошо ноги сильные — оторвался.

Вчера от него все прятались, сегодня он от всех. Ох, тяжело на свете жить при великой красоте!

Опять он еле дождался ночи.

Вынул бумажку, прочел имя лилина, и, когда тот явился, хотел попросить убавить красоты вполовину или даже более того, потому что если за тобой побежит полплощади, это все равно много.

Но Щч нынче повел себя не так, как прежде.

Не успел Шимшон рта раскрыть, как черт выхватил у него из руки бумажку и сожрал.

«Надоело мне, говорит, твои глупые желания исполнять. Обычно как? Если кто разгадал мои имена, так это мудрец. И просит чего-нибудь мудрого. А ты дурак дураком. Поди, без бумажки и не выразишь моих имен?».

«Выговорю! Ты Щч!».

«А полностью? То-то!».

И лилин засмеялся.

«Вот что, дурень. Являться к тебе я больше не буду, но нынче, коли уж я вызван, желание твое исполню. Оно будет последнее, так что подумай хорошенько».

Шимшон растерялся. Не тратить последнее желание на то, чтоб поубавить красоты, у него ума хватило, а попросить прибавить мозгов — на это уже нет.

«Ой, я не знаю. А чего другие люди просят, когда у них только одно желание?» — пролепетал он.

«Которые подурнее — богатства, — отвечал лилин. — Которые побашковитей — власти. Потому что, если у человека власть, богатство само придет. У тех же богатых отобрать можно». А какой еще совет, позвольте вас спросить, может дать черт?

«Да, власти хочу! — обрадовался Шимшон. — Над всем нашим краем. Сделаешь?».

«Чего проще? Будь завтра ровно в полдень в Городе, на мосту», — велел Шцц, помахал рукой на прощанье и растворился во тьме, где ему самое место.

До Города, управлявшего всем краем, путь был неблизкий, и Шимшон сразу пустился в дорогу. В родном местечке, где мужчины бежали от него, а

сам он бегал от женщин, жить бедняге теперь все равно было нельзя.

Свое чересчур красивое лицо юноша измазал сажей, чтоб встречные девушки не докучали обожанием. Крепкие, как у лошади, ноги меряли версту за верстой, и до нужного места путник добрался раньше назначенного часа.

В Городе — а это был очень большой город — Шимшон никогда раньше не был. Он дивился тому, что дома поставлены один на другой, что улицы вымощены камнем, а люди нарядны, и сколько их! Тыщи!

Встал он на мосту через широкую реку, стал ждать, сам не зная чего. Вдруг видит, все снимают шапки, кланяются. Едет лаковая коляска, сверкает, как хромовый сапог. На козлах кучер что твой генерал, а белые лошади — прямо невесты в венчальных платьях. Сзади сидит человек-золотые-плечи, сам мрачнее тучи, ни на кого не смотрит, на поклоны не отвечает.

То был наиглавнейший начальник всего огромного края, назывался он Губернатор. Мрачен он был оттого, что месяц назад у него помер ближний еврей, правивший все казенные дела, и теперь они пришли в полный беспорядок.

Известно ведь, что при всяком мало-мальски важном губернаторе обязательно состоит мудрый еврей, который подсказывает начальнику, что ему делать и чего не делать. Этот советчик настоящий

правитель и есть, губернатор же только молебны стоит и парады принимает — тоже, между прочим, работа не позавидуешь.

Почему обязательно еврей, спросите вы? А как иначе? Если губернатору взять в главные советчики какого-нибудь пана, тот сразу начнет шампанское пить, кутежи устраивать, к цыганам ездить, драться из-за барышень на дуэлях, ему и делами заниматься будет некогда. А видели вы еврея, чтоб ездил кутить к цыганам да дрался на дуэлях? То-то.

Закавыка тут одна: как подыскать правильного еврея, а то возьмешь неправильного (таких ведь тоже полно) — и тогда уж лучше бы советчик пил и кутил.

Над этим Губернатор и кручинился, боялся ошибиться.

Доехал он до середины моста, и вдруг лошади, доселе смирные, как захрапят, как вздыбятся! Да кинулись к перилам, да напролом, да бух с моста! (Сами догадываетесь, чьих это козней дело.)

Кучер, тот сразу с козел слетел, в реку упал и потоп, а Губернатор за сиденье уцепился. Только не миновать бы гибели и ему, если б некий молодой человек с перепачканным сажей лицом не ухватил коляску за заднее колесо. И что вы думаете? Удержал!

Лошади висят, восемью ногами дрыгают, над ними коляска болтается, в ней кое-как держится Губернатор ни жив ни мертв, а наш Шимшон (кто ж

еще?) одной рукой за перила взялся, другой за колесо и даже не крахтит.

На мосту, конечно, шум, крики, полиция набежала, а чем тут поможешь? Вот-вот выпадет его превосходительство, и конец ему.

Шимшон кричит Губернатору:

«Что ты вцепился?! Давай или туда, или сюда! Можешь — наверх карабкайся, я тебя подхвачу! А нет — прыгай в воду. Иначе так и будешь висеть. Я коляску долго держать могу!»

«Не могу вскарабкаться, сил не хватает! — вопит Губернатор. — И прыгнуть не могу. Плавать не умею!»

«Я за тобой прыгну, вытащу!»

Делать нечего. Губернатор прыгнул. А Шимшон коляску качнул, в сторонку отшвырнул, чтоб она тонущему на голову не свалилась, и тоже — плюх! Схватил превосходительство за золотой воротник, доставил на берег.

Губернатор воду изо рта выплюнул, встряхнулся, давай своего спасителя обнимать. «Ты, — говорит, — и богатырь, и герой, и умом остер. Как славно придумал-то, чтоб я в реку прыгнул! А то я так колбасой и болтался бы на виду у всего Города. Это мне, Губернатору, стыд и срам. Эх, кабы ты был еврей, взял бы я тебя в свои главные советчики!»

Только тут Шимшон и сообразил, зачем его лилин на мост послал. «А я, — говорит, — еврей, звать меня Шимшон Шапиро».

Обрадовался Губернатор — не сказать как. «Ну, — говорит, — Шимшон Шапиро, теперь остается только, чтоб губернаторша тебя одобрила».

Как раз и жена его из дворца прибежала, сказали ей, что с мужем беда. Покричала она, поахала, в обморок упала, дали ей нашатырю — всё как у благородных дам положено. Потом показал ей Губернатор Шимшона. «Как-де тебе, душенька, такой еврей, если я, предположим, его в советчики возьму?»

А у нашего героя, пока он в реке был, с лица вся сажа сошла. Губернаторша посмотрела, зарумянилась и говорит супругу: «Попробуй только кого другого взять!».

Так Шимшон-шлимазл стал правителем всего того обширного края.

В первый же день пришлось ему решать тяжбу, с которой совсем измучился главный судья, никак не мог вынести приговор.

У судей оно ведь как устроено? Когда одна из сторон сунула больше, чем другая, всё просто. Решил дело в ее пользу, и хорошо. Если обе стороны пожадничали, ничего не дали, либо нет у них денег судью уважить, ему тоже нетрудно. Признаёшь ви-

новными и ответчика, и истца, чтоб другим неповадно было.

Тут же тягались между собой богатый помещик с богатым купцом. Один дал тыщу и другой дал тыщу, вот судья и растерялся. Решать надо было по законам, но для этого их же все прочесть нужно, а на шкаф, в котором законы хранятся, и посмотреть страшно — сколько там книг. Один только еврей-советчик их не боялся, и когда он помер, тяжба остановилась.

Приходит судья к новому губернаторскому советчику, говорит: так, мол; и так, выручайте, ваше еврейское превосходительство. Сделайте милость, посмотрите, как там в законах про эту закавыку растолковано.

Шимшон на шкаф с книгами глянул, да поскорей от него отвернулся. Страшно стало. «Чего, — говорит, — там смотреть. Я и так знаю. Ведите этих, которые судятся». «Истца с ответчиком?». «Вот-вот, их».

Приходят помещик с купцом, начинают каждый свою правду доказывать. Шимшон слушает, ничего понять не может.

Почесал макушку, спрашивает помещика: «Ты кого больше чтишь: царя-батюшку или царский герб, орла с двумя головами?».

Тот отвечает: «Больше всего чту царя, как я есть верноподданный его величества помещик».

«А ты?» — спросил Шимшон купца.

Тот подумал-подумал, в чем тут подвох, и говорит: «А я превыше всего чту герб, потому что его почитает сам царь».

«А в Бога вы оба веруете? — продолжает Шимшон. — Верите, что Он никогда не ошибается?».

Верим, отвечают. Нельзя не верить.

«Вот и хорошо».

Взял Шимшон серебряный рубль, подкинул вверх. «Коли царем упадет — значит, Бог в пользу помещика решил, а коли орлом — в пользу купца. Ему, Богу, видней».

Рубль упал царем кверху, и купец спорить с Богом не насмелился. Так трудная тяжба и разрешилась.

Главный судья обрадовался, постановил, чтобы все трудные тяжбы отныне только так и велись. Теперь в судах кидали монету, и Бог сам поворачивал ее орлом или решкой, а кто недоволен — подавай апелляцию на Всевышнего, коли тебе охота. Волонита в судах закончилась, и весь край славил нового губернаторского еврея.

На второй день Губернатор собрал всех чиновников для решения накопившихся дел. Пришли сто начальников, у каждого по сто папок, в каждой сто бумаг, и на каждой прописано, что надо запретить, а что позволить, в какой цвет можно красить заборы, а в какой нельзя, в какой день и с какого часу

чем торговать, какие когда наряды надевать, какими словами позволительно и непозволительно ругаться, и еще много всякого разного.

Губернатор говорит: «Что делать будет, Шимшончик? С которой папки начнем?»

Тот давай чесать макушку — вдруг сызнава какая мысль придет. Нет, не пришла.

«А ну их всех, — говорит тогда. — Пусть уходят со своими папками и без вызова больше никогда не появляются. Ничего запрещать и позволять не надо».

«Как так? Разве можно людям ничего не запрещать и не позволять? Этак они черт знает чего наворотят!»

«Вот когда наворотят, тогда и будем думать», — сказал Шимшон.

«Гениально!» — восхитился Губернатор, которому такое в голову не приходило. Как замашет руками на чиновников, будто на гусей: кыш, кыш отсюда! Они и пошли.

И стало всем жителям края привольно. Всяк красил свой забор в цвет, который ему люб, всяк торговал когда хотел, без опаски затевал новое дело, а коли где случалось какое безобразие, его там же, на месте, исправляли, не спрашивая у Губернатора.

В общем, всем было хорошо. И народу, потому что ему всегда хорошо, когда начальство не докуча-

ет, и Губернатору, потому что дела решались сами собой и можно было жить в свое губернаторское удовольствие.

Шимшон прослыл самым мудрым евреем на свете. По праздникам он выходил к народу на площадь и завязывал узлом железные кочерги, ломал подковы, подбрасывал кверху пятипудовые мешки с мукой. За это его любили еще больше. «Какой он умный!» — говорили мужчины. «А какой красивый!» — вздыхали женщины.

Они, женщины, только и омрачали Шимшону жизнь — проходу ему не давали, но тут уж было ничего не поделать. Как говорят гои, у каждого свой крест. А в Талмуде, который писали люди поумнее нас с вами, про такое сказано: «Слишком много хорошего — это плохо, ибо всего должно быть в меру, даже хорошего». Но разве кто-нибудь на свете это понимает?

*Может быть, только китайцы,
и то навряд ли.*

Невидимый сад мастера Вана

— ■ —
*Китайская
сказка*

Шесть опенков красного

о времена, когда люди жили проще, но честнее, чем нынче, жил в городе Чэнду, столице царства Шу, непревзойденный мастер садового искусства по имени Ван.

Дом у него был маленький и ветхий, потому что Ван совсем не заботился об удобствах тела. Сад тоже невелик, зато это был самый чудесный сад на свете, и каждое растение в нем не имело себе равных во всем Китае. Если у Вана рос пион, это был самый красивый пион под небом, если роза — то такая, что на другие розы смотреть уже не хотелось, только на эту.

Но Вану этого было мало. Он выводил еще и новые, прежде небывалые цветы, причем больше всего ценил лотосы, выращивая их в маленьком пруду, к которому никто кроме хозяина приближаться не смел.

Мастер и в сад-то никого не пускал. Жил один среди цветов, которые ему нравились гораздо больше людей, что неудивительно. Люди приносят не только радость, но и горе, а цветы одну радость. Печаль испытываешь, лишь когда они увядают.

Так Ван и жил. Радовался, когда цветы распускались и оплакивал те, что увядали, но скоро утешался, ибо растения у искусного садовника полностью не умирают. Остаются семена, и из них вырастают точно такие же растения, а у истинного мастера даже лучшие, чем прежде.

Когда Ван утром выходил на веранду, цветы поворачивались к нему, тянулись лепестками. Он разговаривал с каждым. Один похвалит, другим повосхищается, ведь цветы по своему характеру очень тщеславны и обожают лесть, от нее они расцветают еще пышней. Таковы они все кроме лотосов, подле которых следует молчать. Некоторые из этих священных растений, в особенности того или иного красного оттенка, обладают магической силой, и лучше ее пустыми словами, без нужды, не пробуждать.

Лотос Фэйсинь, имеющий четыре малиновых лепестка, может придать телу невесомость. Если сорвать лепестки один за другим, мысленно произнеся заклинание, ведомое посвященным, в течение целого дня сможешь летать, как птица.

Лотос Канфу с шестью алыми лепестками, если потереть им живот, вылечивает любую болезнь.

Золотой Баоцзян с десятью лепестками позволяет находить зарытые в земле клады. Надо взять в руку цветок, и он сам отведет туда, куда нужно.

Багровый Минси с двенадцатью лепестками одарит ясновидением того, кто украсит им свою прическу. Для такого человека на свете не будет тайн, он слышит даже несказанное и видит то, чего еще не случилось.

Светло-пурпурный Шанлянь с шестнадцатью лепестками умиряет сердце даже закоренелого злодея — нужно лишь подойти к нему, слегка ударить цветком по голове, и плохой человек преобразится.

Лиловый Усинь имеет всего два лепестка. В отличие от остальных лотосов он скромнен, даже невзрачен, но этот цветок ценится не за свой вид, а наоборот, за невидимость. Вокруг Усиня образуется магический круг радиусом в пять чжанов, и всё, что внутри этого круга, становится недоступным для взгляда окружающих. Мастер вывел этот цветок раньше других, и волшебной ауры Усиня как раз хватило, чтобы в нее поместился весь чудесный сад. Хоть он по-прежнему находился посреди столицы, теперь люди его не видели и не мешали Вану своими вздорами. Он их тоже не видел, только слышал гул улиц, но от этой докуки избавился без волшебства: просто затыкал уши кусочками мягкого мха и существовал в блаженной тишине. Скоро соседи позабыли, что на этом месте когда-то жил са-

довод, а он забыл про них. Где-то совсем близко, за незримой стеной, кричали, бранились, плакали, смеялись, но мастер этого не видел и не слышал.

Нечего и говорить, что чарами остальных магических лотосов Ван не пользовался. Ему некуда и незачем было летать, болеть он не болел, в золотых кладах не нуждался, в ясновидении — тем более. Его занимали только тайны Красоты.

Но Красота, как всякая могучая сила, несет в себе и опасности, о чем садоводу мог бы поведать Лотос Ясновидения, но для этого сначала пришлось бы его сорвать, а такое Вану и в голову не приходило.

Всезнающий лотос Минси, к примеру, предупредил бы, что Красота подобна опиуму. Чем больше ее потребляешь, тем больше от нее зависишь, и насытиться ею невозможно. Голод делается только требовательней.

То же происходило и с Ваном. Его сад становился всё прекрасней, но мастер не испытывал удовлетворения. Ему казалось, что цветы могут быть еще красивей.

Так у него зародилась великая мечта — вывести Самый Прекрасный Лотос На Свете. Такой, чтобы смотреть на него, не отрываясь, всю жизнь и ни в чем ином более не нуждаться.

Теперь Ван с утра до вечера колдовал над ростками и семенами, менял состав почвы и воды, оттачи-

вал заклинания, развешивал над своим прудом тончайшие шелковые занавесы, просеивающие солнечный и лунный свет.

В царстве Шу бушевала междоусобица, лилась кровь, свирепствовали моровые поветрия, люди умирали от неурожая и голода, а Ван был безмятежен в своем маленьком невидимом царстве красоты. Его кропотливая, вдохновенная работа медленно, но верно продвигалась.

Лотос Ванмэй

Потратив годы, садовник наконец сумел создать семя цветка, который назвал «Ванмэй», «Совершенство», взяв первый иероглиф из своего имени. Этот лотос, не похожий на все прочие, должен был раскрываться постепенно: шесть рядов лепестков, один прекрасней другого, развернутся, каждый в свое время, от внешнего к внутреннему, а самой последней откроется сердцевина, средоточие всей Красоты Мира. Вот какой это был цветок!

Мастер сел подле пруда и поклялся себе, что не сойдет с этого места, не упустит ни единого драгоценного момента созревания Ванмэя.

Скоро его терпение было вознаграждено. Бутон раскрыл свой первый ряд. Его лепестки были

ослепительной белизны, по сравнению с которой чистейший снег на вершине горы Цинчэн казался грязным покрывалом.

«Так вот что такое настоящая белизна!» — воскликнул мастер и благословил небеса, что дожил до этого счастливого дня.

«Если даже самый крайний ряд производит такое действие, что же будет, когда раскроются другие?», — с трепетом подумал Ван и стал ждать следующего цветения.

Но Красота таит в себе свойство еще более опасное, чем ненасыщаемость, о чем садовник не ведал. Когда Красоты становится очень много, душа окруженного ею человека тоже начинает становиться красивее, а применительно к душе это значит, что она делается более чуткой. Это очень опасно.

Ван, как всегда, сидел, заткнув уши мхом. Но по мере того, как садовник любовался белизной лепестков, мох словно истончался. Сквозь него начал пробиваться пренеприятный звук, мешавший Вану созерцать рождение Совершенства.

Где-то захлебывался плачем ребенок.

В досаде мастер напихал в уши побольше мха, но это не помогло. Крик становился громче и громче.

В конце концов, рассердившись, Ван поднялся и вышел за невидимые ворота своего двора, чего не делал уже много лет. Нужно было положить конец безобразию.

Прощание с Канфу

Он не узнал улицы, на которую выходили ворота. Может быть, от долгой замкнутой жизни среди чудесных цветов, глаза просто отвыкли от уродства, но вид людских жилищ показался Вану ужасающе отвратительным. Какая грязь, какое безвкушие! А какая нищета!

«Успокойте вашего ребенка! — закричал мастер, остановившись у порога дома, откуда доносились крики. — Он мешает мне сосредоточиться!».

Вышла заплаканная женщина.

«Простите, — сказала она, вытирая слезы. — Моего малыша укусила зеленая змея, выползшая из канавы. Ему очень больно. Яд смертелен, но действует он медленно. Мальчик отмучается, и станет тихо. Потерпите, прошу вас».

«И долго это продлится?» — раздраженно спросил Ван. У тех, кто самозабвенно служит Красоте, в душе не остается места для сострадания.

«Лекарь говорит, день или два ...».

«Черт знает что», — проворчал мастер и вернулся в свой невидимый сад.

Он снова сел у пруда, но крики мешали ему наслаждаться зрелищем. Хуже того: Ван заметил, что второй ряд лепестков, начавший было приоткрываться, вновь сомкнулся. Плач мешал и лотосу. Нужно было устранить помеху.

Ничего не поделаешь. Садовник срезал алый цветок Канфу, исцеляющий любые недуги, и вновь отправился к соседнему дому.

Не постучавшись и не поздоровавшись, он распахнул горюющих родственников бедного мальчика, наклонился и потерял ему лотосом живот.

Почерневший, распухший от змеиного яда ребенок сразу перестал кричать. Лицо его порозовело. Опухоль спала. «Мне надоело лежать! — заныл исцеленный. — Я есть хочу! Я играть хочу!».

Счастливые домочадцы не знали, как и благодарить спасителя. «Мы бедные люди, — говорили они, — но для вас мы ничего не пожалеем, только скажите!».

«Мне нужно от вас только одно, — рявкнул на них Ван. — Чтоб ваш чертов ребенок больше не шумел!».

И поспешил назад, к пруду.

Прощание с Баоцзяном

О радость! Второй ряд лепестков снова приоткрылся, и уже было видно, что они пунцовые, как утренняя заря в ясный зимний день. Мастер не ел и не спал, завороженный чудесной картиной этого восхода.

И вот второе, пунцовое кольцо полностью растворилось. Оно так безукоризненно сочеталось с

белым сиянием внешнего ряда, что душа садовода затрепетала и взлетела выше.

В то же мгновение она услышала новый шум, еще назойливее прежнего.

Он несся не из какого-то одного места, а отовсюду. Это были вздохи, всхлипывания, жалобы, стоны множества людей. Ван не мог взять в толк, откуда слышатся эти противные звуки, но испугался, что из-за них не захотят распуститься лепестки следующего ряда.

Поэтому он снова вышел из своего невидимого убежища наружу — разобраться, что там у них происходит. Походил по окрестным улицам и понял, что по всему кварталу, в каждом доме, сетуют на нищету, голод и тяжкую жизнь. Это был очень несчастливый квартал, и Лотос Ванмэй, конечно, никак не мог полностью расцвести, со всех сторон окруженный таким несовершенством.

«Чтоб у вас стебель засох и листья отвалились!» — выругался мастер самым ужасным проклятием из всех, какие знал.

Он вернулся к пруду, извинился перед золотоцветным Баоцзяном и срезал его.

Лотос покачал своими десятью лепестками, словно к чему-то принюхиваясь, потом качнулся в направлении гор и потянул Вана за собою. Тот не противился.

Выглядело это так, словно идет сердитый человек, держит в вытянутой руке цветок невиданной

красы — на самом же деле путь указывал лотос, а Ван лишь повиновался.

За городом Баоцзян привел мастера в горную пещеру, где были зарыты сокровища, должно быть, хранившиеся там с незапамятных времен. Мастер посмотрел на них и подивился, насколько золото уродливее цветов. Как глупы люди, не понимающие этого!

Но польза есть и от золота.

Он поспешил обратно, к старейшине квартала, и объявил, что жители больше не будут жить в нужде. Золота хватит каждой семье.

Люди сначала не поверили, но он отвел их в пещеру, они увидели сокровище, и началось всеобщее ликование.

«Как нам отблагодарить тебя, щедрейший из щедрейших?» — говорили они.

«Живите тихо и больше не хнычьте!» — сказал Ван и побежал прочь. Он боялся, что третий ряд лепестков распустится без него.

Прощание с Шанляном

Третий круг оказался бирюзовым, словно мартовское небо в предвечерний час, только много чище и глубже.

Мастер жадно смотрел на это диво и не мог насмотреться.

Сначала ничто не мешало его наслаждению, было очень тихо. На соседних улицах шумел праздник, раздавались радостные вопли, в небе лопались петарды — люди забыли про данное обещание, они ведь не умеют жить без шума ни в беде, ни в веселье, но красивую душу бередают только горестные звуки, от счастливых она не сжимается.

Однако несколько дней спустя, когда Ван уже готовился к следующему, четвертому чуду, сквозь тишину стал пробиваться вой и скрежет, словно весь город скрипел зубами от боли, не мог сдержать стонов.

«Чего вам еще нужно? Чего вам не хватает?» — накинулся мастер на старейшину квартала.

«Нам всего хватает, мы довольны, — с поклоном ответил старейшина. — Благодаря вам, мы живем лучше всех в Чэнду. Но остальные жители несчастны, потому что городом правит жестокий князь Ханжэнь. Он мучает и истязает народ, каждый день кого-нибудь казнит. На площадях повсюду выставлены отрубленные головы, руки и ноги. В городе очень страшно, вот люди и плачут».

«Почему все отрывают меня от самого важного дела на свете! Будто сговорились! — посетовал Ван. — Ладно, я наведу порядок в Чэнду».

Он отправился к себе в сад, со вздохом срезал светло-пурпурный лотос Шанлянь и быстрой походкой, ругаясь всякими садоводческими ругательствами, поспешил к княжескому дворцу.

Попасть к правителю было нелегко. На пути к его покоям было семь дверей, и у каждой стоял свирепый стражник. Но Ван легонько касался волшебным цветком лба воина, и тот из злобного сразу становился добрым. Сам распахивал перед гостем дверь и провожал благожелательным напутствием.

Так, безо всяких помех, мастер добрался до жестокого князя Ханжэня.

«Эй, стража! Кто пропустил ко мне этого обовранца?! — зарычал грозный владыка, а когда никто ему не ответил, накинулся на самого Вана: — Немедленно говори правду, кто тебя пропустил, и тогда я всего лишь отрублю тебе голову! А если соврешь — предам тебя казни Тысячи Кусочков!».

Мастер не стал тратить времени на разговоры, он очень торопился. Просто стукнул правителя цветком по голове.

«Что со мной?» — пробормотал Ханжэнь. Повернулся к зеркалу, поглядел на себя. Испугался.

«Кто этот грубый человек со зверской рожей? Неужели я?! В какое чудовище я превратился! Разве таким я был в юности? Эй, слуги, несите скорей шелковый шнур! Такому злодею нет места на земле! Я повешусь!».

Мастер Ван, уже повернувшийся было уйти, затревожился и остановился.

«Эй, эй, — сказал он. — Не надо вешаться! А то вместо тебя появится другой такой же или хуже.

Лучше исправь зло, которое ты совершил. Тогда перестанешь пугаться зеркала».

«Ты прав, мудрец! Ты прав! — воскликнул Хан-жэнь. — Я стану самым справедливым князем на свете!».

И стал. Тут ведь довольно просто захотеть. Князь повсюду искал чудесного старца, чтобы отблагодарить его, но не нашел, а если и нашел бы, Ван, конечно, лишь попросил бы оставить его в покое.

Главное, что в городе Чэнду установились мир и тишь. Ничто больше не мешало четвертому кольцу лепестков открыться.

Прощание с Фэйсином

Они распустились и оказались оранжевыми, как языки всеочищающего пламени. Согретый чудесным теплом этой красоты, Ван нежился в ее лучах до тех пор, пока неутомонная чуткая душа не уловила дальний звон железа, вопли ярости и вскрики боли. Они делались все громче.

Пятый ряд лепестков оставался сомкнутым.

В крайнем раздражении мастер кинулся во дворец, был сразу проведен к правителю и набросился на него с упреками: «Неужто нельзя устроить тихую жизнь в одном городе? Зачем вы шумите? Чего вам всё нейдет?».

«Дело не в нас, — печально отвечал бывший жестокосердный, а ныне добродетельный князь Ханжэнь. — Но в царстве Шу междоусобица и смута. Правители других городов и провинций нападают на наши пределы со всех сторон. У меня храброе войско, но оно не может уследить за всеми направлениями. Мы готовимся отразить врага с востока, а другой нападает с запада. Укрепим оборону на севере, а по нам бьют с юга. Пока в царстве не восстановится единство, люди так и будут убивать друг друга».

«Будет вам единство», — проворчал мастер Ван.

Он сорвал малиновый Фэйсинь, произнес магическое заклинание, и тело стало легче воздуха.

Ван понесся по небу на восток, запад, юг и север, посмотрел, откуда подкрадываются враги, и сообщил князю Ханжэню. Тот со своим храбрым войском по очереди разбил всех противников, объединил все царство Шу и установил в нем мир.

«Учитель, — с поклоном сказал он Вану, — если я стану царем, не согласитесь ли вы быть моим первым министром?»

«Еще недоставало! Я не хочу и не умею править людьми, я разбираюсь только в цветах».

Ханжэнь поклонился еще ниже.

«Тогда станьте царем вы, а министром назначьте меня. Вам не придется утруждаться повседневными заботами, клянусь».

«Ах, оставьте вы меня со своими глупостями! — закричал потерявший терпение садовник. — Мне нужно торопиться к моему лотосу!»

Прощание с Минси

Лепестки пятого слоя уже ждали его, пленяя лазоревой голубизной. Мастер даже забыл расстроиться, что пропустил их рождение, — так ослепительно они сияли. В них были и небо, и море, и хрусталь горных водопадов — всё лучшее на свете.

Каким же тогда будет последний, шестой ряд, с замиранием сердца вопрошал себя Ван. Какого цвета? Серебряного? Золотого? Или, может быть, некоего небывалого, для которого у людей нет названия?

Он терпеливо ждал, возвышаясь душой, в благоговейной тишине, а та вдруг взяла и пошла трещинами, словно разбитое окно. Через трещины стали просачиваться звуки. Опять кто-то кого-то мучил, кто-то издавал предсмертные стоны, кто-то рыдал от горя.

Это было невыносимо!

Срезанные лотосы еще не умерли, Ван почтиительно поместил их в вазы и не забывал менять воду. Поэтому Фэйсинь вновь наделил его даром летать.

Мастер взмыл под облака и стал высматривать, где в стране непорядок, нарушающий покой души и мешающий Цветку Совершенства.

Но в царстве Шу повсюду царила чинность. Отвратительные звуки неслись не оттуда.

Пришлось подняться еще выше, откуда открывался вид на всю Поднебесную — от высоких гор на Западе до великого океана на Востоке.

Да, в царстве Шу было мирно и спокойно, но воевали остальные восемь царств Китая, и людским страданиям не было счета.

«Великий Будда, дай мне терпение бамбука, цветущего раз в сорок лет! — воскликнул Ван. — Что же мне со всеми вами делать?».

Он не знал этого. И пришлось ему сорвать лотос всезнания и ясновидения, багровоцветный Минси.

Минси сразу поведал садовнику, как быть.

Сердитый мастер облетел все остальные восемь царств, шлепнул светло-пурпурным лотосом Шан-лян каждого правителя — кого по лбу, кого по темени, кого просто по щеке, и все они образумились, умягчились, подобрили.

Тогда Ван собрал в одном месте владык всех девяти царств Китая и сообщил им то, что узнал от лотоса Минси.

«Все невзгоды происходят от двух причин: нужды и злобы. Чтобы избавиться от первой беды, не мешайте сильным работать и помогайте тем, кто

слаб. Тогда зло останется только в людях, которые рождаются на свет злобными. Их не так много».

«Нужно всех их найти и перебить? — спросили цари. — И тогда повсюду воцарится Добро?».

«Нет. Они же не виноваты, что рождаются злобными. К тому же и от Зла есть польза. Назначьте злым людям большое жалование и отправьте их охранять границы Поднебесной. Пусть злоба обращается не внутрь, а вовне — против диких варваров. Сделайте, как я сказал. Ибо, если кто-нибудь еще в Китае станет отвлекать меня от моего дела, я выращу лотос незримости Усинь такого размера, что вся Поднебесная станет невидимой!».

Он вернулся в Чэнду, в свой сад, и, судя по тому, что противный шум скоро утих, страшная угроза подействовала.

Обычные китайцы стали добрыми, а злые китайцы разъехались на дальние рубежи срывать свой дурной нрав на варварах. Ничто теперь не мешало шестому ряду лепестков раскрыться.

Блаженство ожидания

Они оказались не серебряными и не золотыми, а серыми, чего с лепестками никогда не бывает, но этот цвет был не скучным, а самым богатым из всех — и перламутровым, и платиновым, и жем-

чужным. Ван и не подозревал, сколько в сером оттенков! Больше, чем в самой роскошной радуге!

Но оставалась еще сердцевина, самое средоточие Совершенства. Когда откроется она, Красота станет полной, и смысла бытия осуществится. Мир достигнет цели, ради которой он создан.

Мастер сел у пруда и стал ждать.

Судя по тому, что мир еще не совершенен, сердцевина Прекрасного Лотоса пока не раскрылась. Должно быть, Ван до сих пор ждет в своем невидимом саду, пребывая в радостном предвкушении, а это состояние самое лучшее из всех. Если оно никогда не заканчивается, это и называется Раем.

А может быть, мастеру не нужно было ограничивать гармонию рубежами Поднебесной, и тогда сердцевина уже раскрылась бы. Кто знает?

Содержание

Ледяной Дракон. Японская сказка	3
Художник Екатерина Белявская	
Рыцарь фон Грюнвальд. Немецкая сказка	25
Художник Ольга Русанова	
Иванушка Ясны-Очи. Русская сказка	51
Художник Василий Половцев	
Счастье Бахтияра. Арабская сказка	89
Художник Ольга Оськина	
Кастильо де Ратас. Испанская сказка	111
Художник Сергей Логинов	
Три фен. Английская сказка	129
Художник Ольга Оськина	
Синевласка. Французская сказка	149
Художник Оксана Санжарова	
Исполнение желаний. Еврейская сказка	171
Художник Анна Швейгольц	
Невидимый сад мастера Вана. Китайская сказка	201
Художник Екатерина Белявская	

Эта книга для тех, кому
нравится читать про больших
грозных драконов
и про маленьких храбрых
рыцарей, для тех, кто верит,
что любовь сама себе хозяйка
и что феи дарят подарки.
«Сказки народов мира»,
придуманные
Борисом Акуниным,
предназначены для всех
девочек и мальчиков – даже тех,
кто давно уже вырос и имеет
собственных детей.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-133987-6

9 785171 339876 >